

Три грани мизерикорда

Автор:

Даниэль Дакар

Три грани мизерикорда

Даниэль Дакар

Боевая фантастика (АСТ)

Они хотели жить мирно и спокойно. Заниматься любимым делом, тем, что получается лучше всего. Они, черт побери, никого не трогали! А когда тронули их...

Когда тронули их, оппонентам пришлось на собственной шкуре узнать, что происходит, когда орала перековывают на мечи. Или – на трёхгранные стилеты...

Даниэль Дакар

Три грани мизерикорда

Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их.

Ибо, если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его.

Также, если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться?

И если станет преодолевать кто-либо одного, то двое устоят против него: и нитка, вдвое скрученная, не скоро порвется.

Глава 1. Круговорот

А там, где один в поле не воин, не справиться и вдвоём.

Но всё-таки, знаешь, вдвоём вдвое легче.

«V-twin Band»

Траурный марш в исполнении военного оркестра кромсал тишину мемориального кладбища. Уханье литавр нарезало ее на рваные, грубо изломанные ломти и раздраженно сталкивало с поросшей пожухлой травой разделочной доски, усеянной гранитными прямоугольниками. Тишина пыталась сопротивляться агрессору, да какое там...

Десница шёл за гробом, неся подушку с орденами покойного отца, и старался думать только о том, что insult был третьим и виноватых искать бесполезно. Что там искать – даже назначать, и то... Бесполезно, всё теперь бесполезно. И поздно, как ни крути.

У края пустой ещё могилы кто-то говорил речи, многословно воспевая заслуги безвременно ушедшего Валерия Мефодьевича; говоруны, мать их так. Живой, «Правша» уж точно заткнул бы их в мгновение ока. Кто-то пафосно и громко прощался, клянясь, что «не погаснет тот огонь, который ты зажег» – этих хотелось удавить. Кто-то просто молчал и смотрел на гроб.

Валерий Мефодьевич лежал, как живой, и у Дмитрия Валерьевича создавалось впечатление, что отец сейчас встанет и рассмеётся. Но это была только иллюзия. Майор Десница никак не мог привыкнуть к мысли, что генерала Десницы больше нет. Не хотел он к ней привыкать. Нелепо всё было, нелепо и как-то совершенно непонятно. И Дмитрий в очередной раз подумал, что на службе у отца стресс следовал за стрессом, а в отставку он уходить не соглашался. И что insult был третьим. Третьим, будь оно всё проклято!

По коротко остриженному затылку майора фамильярно скользнул ветерок, мимоходом ощупал кожу холодными влажными пальцами. Дмитрий тряхнул головой, поправил фуражку – подушка с орденами уже лежала в ногах гроба – одернул китель и окинул взглядом собравшихся. Погоны, погоны, погоны. Фуражки, фуражки, береты, опять фуражки. Чтобы проститься с Валерием Мефодьевичем, одних только генералов собралось десятка четыре. Друзья, однокашники, коллеги, начальство... Не было только штатских, вернее, почти не было. Всего несколько костюмов мелькало среди парадных мундиров с траурными лентами.

Десница-младший, чтобы хоть немного отвлечься, начал было вычленять взглядом в толпе именно гражданских, но второй же человек в костюме поймал взгляд Дмитрия своим, и майор вздрогнул. Часом ранее, на церковном крыльце, после панихиды, когда все подходили к нему и высказывали свои соболезнования, лица очень быстро слились в одно. И запомнить всех не получалось, как ни старайся, уж больно много людей пришло проститься.

А между тем человеком в костюме оказался очередной генерал. Но только почему-то решивший прийти в штатском, а не в парадном. Геннадий Владимирович Горин, «Папа Гена», разведка как она есть. Его Дмитрий не ожидал увидеть, хотя... Они с отцом, как Десница-младший теперь знал, были неплохо знакомы, и нет ничего удивительного в том, что Горин здесь. Наоборот, было бы странно, если бы не приехал.

Именно Папа Гена с год назад доставил генерала Десницу в «Свободный» и разве что не под руку провел на борт «Бистяры». Затея была, с какой стороны ни посмотри, рискованная: Десница-младший и трех слов не сказал Деснице-старшему с тех пор, как этот последний волевым решением засунул сына на психокоррекцию.

Ситуацию тогда сгладила Агата, молниеносно подавшая кофе и заполнившая рубку игривым щебетом. Спутница, кто бы сомневался! Агентство «Верный Спутник» натаскивало своих сотрудников, в частности, именно на это – уместность в любой ситуации и способность разрулить её же с незаметным, но уверенным блеском натертой воском антикварной мебели. Да ещё и эмпатка. Нет, всё-таки её родина – захваченная полиморфами-лестианами планета Волга – странноватое место. Засунуть девчонку с такими способностями в проститутки, да чтобы она ещё и радовалась удаче и выпавшему шансу! Кретины!

Полчаса спустя Дима с удивлением обнаружил, что не только участвует в общем разговоре, но и соревнуется с помолодевшим, подкручивающим седеющий ус, отцом за внимание девушки. А ещё через час выяснилось, что делить им с батей, в общем-то, нечего. Одна семья. Одна служба. А коррекция... ну, коррекция. Было. Прошло. Быльем поросло. И прав тогда был батя – на то и Правша! – как ни крути, а прав. Так что на Закат, планету, давшую миру, в частности, такое чудо природы, как Варфоломей Кондовый, Агата с Платиной улетели без Дмитрия. Они улетели, а он остался – сын, соратник и, чем чёрт не шутит, преемник. Надо же, целый год прошел...

Горин побарабанил пальцами по краю левого рукава пиджака и повелительно шевельнул бровью. Десница на секунду опустил веки в знак того, что понял, и увидел у себя на мониторе сообщение: «Дима, надо поговорить, но не здесь. Это серьёзно». Ну ладно, подумал майор, и набил в ответ «завтра в полдень могу приехать, только не в кабинет».

На поминках в фешенебельном ресторане Дмитрий за весь вечер не выпил даже полной рюмки. Не лезло. Все слова тостов для него и так были словно в тумане. А в голове настойчиво билась только одна мысль, что отец ушёл, ушёл навсегда. И вроде бы всё логично: возраст, и стрессы, и рецидив инсульта, и...

Но не мог Десница самого себя убедить, что это нормальный ход жизни. И было на душе у Дмитрия Валерьевича тускло и мертвенно-серо, как небо над городом в этот мерзкий холодный день.

За час до полудня Десница уже не мог найти себе места. Встав – непонятно зачем – в полпятого, он выпил пару чашек кофе и прогулялся (бегом) по парку за окном, намотав на ноги около десяти километров. В отличие от вчерашней, погода располагала.

Потом, не доверяя роботу-уборщику, отдраил вручную свою крохотную квартиру, и снова вышел из дому. До города от его обиталища было семь километров, и майор отправился пешком (бегом), оставив мобиль в гараже. Добравшись до станции монорельса, расположенной на окраине, он поднялся наверх и за двадцать минут доехал до центра. И осталась ещё уйма времени – целый час.

В двух кварталах от штаб-квартиры ведомства Папы Гены Десница обнаружил кафе, из приоткрытых окон которого призывно тянуло свежей выпечкой. Дима вдруг подумал, что давным-давно не пробовал горячей сдобы, и зашёл внутрь. Спустя пять минут он уже поедал булочки одну за другой, запивая их крепким ристретто без сахара. В этот раз ему даже удалось сосредоточиться на вкусе кофе и круассанов с заварным кремом, загнав мысли куда-то в сверхдальний угол. И, разумеется, как только майор целиком абстрагировался от реальности вокруг, на коммуникатор пришёл вызов.

– Слушаю, Десница, – коротко ответил Дмитрий.

– Да понятно, что Десница, – раздался в динамике вздох Горина. – Ты где сейчас, Дим?

– Неподалеку от вашего офиса, – отозвался он. – Кофе пью со вкусными булочками.

– Кофе, говоришь. С булочками. Неподалеку, – то, что генерал усмехнулся, Десница практически услышал. – Ну, вот давай там и встретимся. Ты ж небось в «Маме Чите» сдобой лакомишься?

– Ага, – подтвердил Дмитрий, скосив взгляд на меню и только сейчас прочитав название кафе. Да-а... расслабился ты, Единорог. Смотри, как бы не подстрелили.

– Вот там меня и дождись, хорошо? Я скоро буду, – просьба генерала подозрительно смахивала на приказ.

– Договорились, жду, – и Десница сбросил вызов. Предстояло допить кофе до появления его высокопревосходительства. Что-то подсказывало майору, что в кафе разговор не состоится.

Как в воду глядел, подумалось ему через три минуты. За окном кафешки остановился представительский мобиль, и на коммуникатор пришло сообщение, что Папа Гена ждет снаружи. Десница рассчитался, вышел и приблизился к наглухо тонированной машине. Дверь распахнулась, и Геннадий Владимирович выбрался наружу.

– Здравствуй, Дмитрий, – генерал крепко обнял Десницу, похлопал по плечу. – Про соболезнования говорить не буду, ты и так всё понимаешь, не маленький. Пойдём-ка, пройдемся по хорошей погоде.

– Почему ж не пройтись, – согласился Дима, и двое мужчин направились вдоль по тротуару. А следом, неторопливо и плавно, выдерживая дистанцию, двинулся мобиль генерала.

– Я, Дим, старый человек, и многое повидал, – начал Горин, помолчав. – Может быть, именно поэтому не привык верить всему, что вижу. Вот и результаты вскрытия Валерия Мефодьевича я видел. Только вот поверить не смог, ты уж извини. Поэтому и попросил своих спецов проанализировать события и обстоятельства, которые сопутствовали его смерти. И, знаешь, ощущения у меня очень странные, Дим. Крайне странные.

– И какие? – поинтересовался Десница негромко.

– Да встречались мы с твоим батей незадолго до. И Валера просил меня по моим каналам некоторые данные поднять, по тому делу, которое он копал. Ну, не сам, понятно, копал, бойцы его старались, но всё же. И данные я для него нашел, и даже передать ему успел, а тут вдруг на тебе: ни с того, ни с сего – инсульт.

– Да не вдруг, Геннадий Владимирович, – покачал головой Десница. – Вы же за дурака меня не держите, надеюсь? Не считаете, что я об убийстве не подумал? Смотрел я результаты вскрытия, а как же. Там ведь в крови обнаружили стимуляторы мозговые. И как раз те, которые отец принимал. Просто стимуляция кровообращения привела к инсульту. Так что можно сказать...

– А таблетки эти ещё остались, Дим, ты не в курсе? – поинтересовался Горин. – Те, что в кабинете были, нашли, конечно, оприходовали и проверили, но как-то их подозрительно мало.

– Я не был у него после того как, – ответил Десница, почти невольно подстраиваясь под стиль разговора собеседника. Хотя – почему невольно? Учили. И хорошо учили. – Но скорее всего, остались. Они по всему дому раскиданы были, батя их во всех комнатах держал, вплоть до сортира, чтобы не бегать, ежели вдруг чего. А что, предполагаете?..

– Я ничего не предполагаю пока, я удостовериться хочу. А вот полицию привлекать, наоборот, не имею ни малейшего желания. Вроде и должны были найти, чай, цельный генерал на тот свет отбыл, да сам понимаешь – столица. Кто не бездельник, тот расслабился.

Слово «куплен» не прозвучало, но Дмитрий Десница, пусть и отставной, а всё же майор подразделения «Чёрный Единорог», умел читать между строк и слышать между слов. Между тем генерал продолжал как ни в чём не бывало:

– И своих не хочу посылать. Эти-то найдут хоть чёрта в ступе, и проверок прошли столько, сколько и не бывает, да только я ворона то ли пуганая, то ли стреляная... увидят там посторонних, ежели вдруг есть, кому видеть... да сделают выводы, которые нам вовсе ни к чему. А коли сын заглянет, так это в порядке вещей. Психология, парень... для любого наблюдателя ты, в первую голову, сын своего отца, а «Единорог» уже потом. Сделай божескую милость, Дим, сходи к отцу домой и найди эти таблетки. И давай-ка их проанализируем, хорошо? Лаборатория у меня в ведомстве отличная, сам знаешь, если что.

– Если что, – медленно, чуть ли не по буквам произнес Десница-младший. – Если что, Геннадий Владимирович, у меня есть знакомые эксперты. И буде они скажут, что с препаратом что-то не так, то вы... вы мне отдадите материалы, которые у вас есть. И всю ту информацию, которую ваши парни подняли помимо.

Горин сузил глаза, внимательно глядя на Десницу. Майор не интересовался и не просил, он просто ставил в известность о том, что материалы ему отдадут. Именно ему, и точка. Наглость? Или наследственность? Какая разница. Папе Гене даже не захотелось играть на этой вспышке темперамента Десницы, делая из майора своего должника. И Горин просто кивнул, соглашаясь с Дмитрием. Отдам, мол.

– Дим, ты тогда, как проанализируешь, что да как – сразу поставь меня в известность, – попросил генерал своим «фирменным» тоном, которому не хотелось отказывать.

– Конечно, поставлю, – уверенно ответил майор. – Геннадий Владимирович, а вас не затруднит сейчас меня подкинуть до отцовского дома?

Горин кивнул, жестом подозвал свой мобиль и приглашающе распахнул дверь. Дмитрий не заставил себя просить дважды, генерал сел в машину следом. Но до самого дома покойного Десницы-старшего в Серебряном Бору ни одного слова в салоне мобилы не было произнесено. Мужчины скупно попрощались, и генерал уехал по своим делам, а майор, кивнув знакомому охраннику в будке, направился к коттеджу, который покойный отец гордо (хотя и незаслуженно) именовал «особняком».

Прошло всего несколько суток с момента смерти Валерия Мефодьевича, а в доме уже скопилось изрядное количество пыли. Дима с некоторым удовольствием отметил про себя, что следов чужого пребывания в доме не осталось. Так, отца нашли в кабинете, стало быть, туда путь и лежит. Исключительно для проверки.

Майор, натягивая тонкие латексные перчатки, поднялся по лестнице на второй этаж, туда, где отец оборудовал себе рабочее место, именуемое попросту «берлогой». Здесь таблеток вполне предсказуемо не было – забрали на экспертизу те, кто приехал по вызову. Что же до всех остальных помещений... ну, поглядим.

Гостиная – начатый блистер в подлокотнике кресла. Спальня – ополовиненная упаковка и два блистера отдельно, один начат. Вот никогда отец блистеры обратно в коробочку не засовывал, вечно где попало бросал, и плевать ему было на правила хранения. Кухня – блистер, целехонький. Ванная... туалет... в бывшей комнате самого Дмитрия ничего, да это и понятно... кажется, всё.

Дима достал из кармана куртки пачку стерильных пакетов, которые, как и перчатки, приучился иметь при себе ещё на последнем курсе академии, и аккуратно разложил добычу, пронумеровав каждый пакет. В память браслета были столь же скрупулезно вбиты соответствия помещений номерам.

Экспертному бюро халтурка подвалила, подумал Десница, доставая коммуникатор и набирая номер знакомого консультанта.

– В канале, – раздался в динамике немного развязный голос Андрея Борисова.

– Хорошо, что не в канализации, – усмехнулся Дмитрий, – Десница тебя беспокоит, Андрей.

– Да я уж догадался, глядя на номер, что это вряд ли государь император, – Борисов сочился сарказмом.

– Ага, – миролюбиво подтвердил Десница, заканчивая перепалку. – Андрей, мне помощь твоя нужна. Я тебе привезу таблетки, а от тебя требуется проанализировать соответствие написанного на упаковках и блистерах содержимому, договорились? Только уж будь другом, не филонь, проверь все до единой. Пусть это займёт столько времени, сколько займёт, мне важно знать наверняка.

– Договорились, – удивляться Борисов попросту не умел. Или умел когда-то, но майор этих времён не застал. – Привози, жду.

Десница выключил коммуникатор и окинул отцовский кабинет взглядом. Стоп. Материалы от Горина. Они, ясное дело, были в терминале. Каковой терминал изъяли сразу после обнаружения смерти отца люди с соответствующими допусками. Вот только на всякую хитрую задницу есть... короче, есть. А масштабного обыска здесь не производили, да и чего ради? Терминал, содержимое сейфа... не рыться же в цветочных горшках. У преступника всенепременно порылись бы, а у своего – зачем?

Вот на этом вы и горите, с некоторым злорадством подумал Дима, кончиком ножа подцепляя вычурную завитушку на массивной кадке с «тёщиным языком». Вы почему-то думаете, что хороший сыскарь, особенно сыскарь от разведки, мыслит и действует как законопослушный обыватель, и нет бы сообразить: чёрта с два он при таком раскладе стал бы хорошим сыскарем. Вот она, красotka! Прижать флешку к браслету – ну, точно. Последнее изменение внесено за день смерти отца. Значит, с этим нам и работать.

Спустившись вниз, в гараж, Дмитрий вывел наружу отцовский мобиль, тяжёлый и мощный «ГАЗ-Аврору», и двинул на нём к себе. Почему-то ему очень захотелось именно в отцовской машине прокатиться по городу.

Следующие сутки стали для Дмитрия какой-то бешеной чередой событий, и пронеслись в сознании, словно ураган. Андрей Борисов, получив таблетки, связался с Десницей часа через три и сообщил, что да, препарат тот. Но в пакете

под номером два, початый блистер, дозировка не та. Из двадцати капсул – ровно половина нормальных. А в оставшихся девяти (поскольку одной не хватает) активного вещества в десять раз больше. И получается, что если человек принял передозированную таблетку, то ураганный инсульт ему обеспечен. И сам блистер, кстати, не фабричный. Вот все остальные – да, изготовлены промышленным способом. А конкретно этот представляет собой ручную работу. Ювелирную. Короче, официальное заключение бросаю на почту, с тебя бакшиш.

Дима выслушал эксперта, поблагодарил, перевел гонорар, свистнул службе доставки знаменитейшего гастронома на предмет очень дорогой бутылки и помчался к Горину лично, добывать материалы. Старый генерал внимательно прочитал заключение эксперта, помолчал и, всё так же не говоря ни слова, отдал майору кристаллодиск. И ещё половина суток ушла у Десницы на то, чтобы изучить информацию с диска, сопоставить её с данными с отцовской флешки и составить для себя небольшой план действий.

Первым пунктом в этом плане оказалась покупка билета с Земли на Ново-Владимир, причем на ближайший рейс. Который всё равно был через сутки, поэтому вторым пунктом оказался визит на службу.

Полковник Важин, Семён Николаевич, прямой начальник Десницы, смотрел на Диму с лёгким удивлением.

– Отпуск на год? За свой счет? Дмитрий, а ты берега не путаешь случайно? В смысле, лицо у тебя не потрескается от такого отпуска?

– Семен Николаевич, я не прошение вам принес, а рапорт. И, на всякий случай, захватил ещё один – об увольнении меня со службы по собственному желанию. Вам выбирать, который подписывать, – и Десница положил на стол непосредственного командира второй лист.

Важин прочитал написанное, крикнул и поднял глаза на строптивного майора.

– Дмитрий. Дима. Майор Десница. Ты... а, чёрт с тобой. По следу пошел?

Дмитрий молчал, глядя в глаза полковника пустым, ничего не выражающим взглядом.

– А справишься? – поинтересовался полковник, поняв, что ответа не дожждётся.

Ничего не изменилось. Взгляд у Десницы был всё тот же. Холодный, бесстрастный, спокойный.

– Чёрт с тобой, Дима, – повторил полковник Важин и что-то надписал на первом рапорте майора. – Но год – это жирно. Полгода. День в день. Сто восемьдесят суток. Иди отсюда, Десница. Глаза б мои тебя... хотя стой. Стой, говорю!

Дмитрий остановился на полдороге к двери, развернулся к полковнику и посмотрел прямо в глаза, по-прежнему не разжимая губ.

– Если ты хоть на секунду, хоть на полсекунды засомневаешься в собственных силах, – негромко произнес Семён Николаевич, – то сразу же, слышишь, Дима, сразу же возвращайся. Покумекаем, что да как, глядишь – и разгребём. Понял?

Десница промолчал. Просто кивнул.

– Свободен, майор. Сто восемьдесят суток, с восьми утра сего дня, ясно?! – последние слова Важин произносил уже в закрывающуюся дверь.

...а на Ново-Владимире Дмитрий задержался. Аж на три дня, пока выбранную им яхту на верфях дооборудовали вторым шифтом, превратив гражданское судно по маневренности в аналог штурмового катера. В сущности, он же так и так планировал сходить в отпуск, сгонять на Закат, ребят проведать...

– Господин Уоллес, это не разговор. Я готов сделать вам скидку при условии, что вы возьмете всю партию оптом. Это – во-первых. И, во-вторых, вы возьмете ее прямо сейчас. Никакой больше вариант меня не устраивает. Я вольный торговец, дорожающий своим временем. И на пустые рассуждения я его тратить не намерен.

Галстук душил Варфоломея Кондового, владельца и пилота корабля «Sunset Beast», именуемого в просторечии «Бистярой», а то и вовсе «Тварюшкой». Желание как можно скорее сбросить с себя проклятую сбрую боролось в его душе с твёрдым намерением получить максимальную прибыль. Боролось – и проигрывало. И дело было даже не во вполне естественном стремлении не прогадать при сделке.

Прогадать он не мог ни при каких обстоятельствах: Уоллесу груз, доставленный Варфоломеем на Фокус, был нужен до зарезу. Причём не ему одному, уж это-то Агата – боевая подруга, названная сестра и суперкарго в одном лице – выяснила предельно достоверно ещё за пару недель до отправки. Но предварительный контракт не заключался. Компания «Радда, Инк» с предварительными контрактами работала, дай бог, первые пару месяцев после регистрации. А банальные перевозки чужого груза из точки А в точку Б закончились и того раньше. Перевозчик и поставщик категории разные, особенно в плане оплаты. Так что теперь у Платины имелась свобода маневра при назначении цен в пределах обозначенного Агатой коридора. И закатец полагал делом чести добиться верхней границы прибыли, а то и выйти за нее.

Правда, практика показывала, что Агата свет Владимировна дело свое понимает туго. И добиться более высокой цены, чем спрогнозированная ею, практически невозможно. Но Варфоломей попыток не оставлял. Почему-то ему казалось очень важным заработать больше, чем рассчитывала суперкарго «Бистяры», уже почти год безвылазно сидящая на Закате.

Впрочем, и в этот раз всё закончилось так же, как обычно: переплюнуть Агату опять не удалось. Преувеличенно тяжёлые вздохи оптовика и ставшие уже привычными жалобы на бедственное положение несчастных детей и больной жены завершились обречённым «По рукам!». Сделка благополучно состоялась, и теперь следовало договориться по поводу нового груза.

Сейчас ситуацию на рынке он себе представлял хорошо. Ещё бы! Одно дело «загрузи-доставь-разгрузи-ни о чем не думай», а партнер уважаемой фирмы – это ж совсем другой коленкор получается. Что по деньгам, что по ответственности. Учиться, конечно, пришлось на бегу. Агата, как только на Закат прилетели после Статуса, рванула в университет. Да мало того, что рванула – она ж ещё шунтирование решила сделать. И сделала. Варфоломей чуть не поседел тогда. Шунтирование? В её-то возрасте? Всё обошлось, но свой страх за боевую подругу он запомнил надолго.

Самое смешное, что страх возник, пожалуй, впервые. Ни на Волге, где он встретился, почти случайно, с Агатой и Десницей в разгар захвата планеты лестианами, ни на Статусе, откуда пришлось вытаскивать застрявшую там разведгруппу землян и делать ноги со всей возможной поспешностью, он не испытывал ни страха, ни сомнений. Названная сестрица бежала в нужном направлении, стреляла без промаха и легко удерживала на коротком поводке и почтительном расстоянии элитное подразделение десантников с Земли. Это даже если не принимать во внимание переговоры с аборигенами, которые без сильной эмпатки либо не состоялись бы вовсе, либо пошли по совсем другому сценарию. Не говоря уж об оказании медицинской помощи не кому-нибудь, а самому Алексу фон Строффе.

Но одно дело всё перечисленное, и совсем другое – установка нейрошунта в двадцать девять лет. Да еще и на «тяжёлой» планете, коей являлся Закат, родина Варфоломея, предоставившая новое имя и новое гражданство девушке по вызову с захваченной лестианами Волги.

Кажется, именно тогда пилот решил, что должен научиться разбираться в тех вопросах, разруливание которых привык сбрасывать на Агату. Как выяснилось, ничего особо сложного в теории и практике ведения деловых переговоров не имеется. Оценив старания пилота суперкарго быстренько организовала ему несколько практических занятий с закатскими оптовиками, и дело пошло. Ну, или поползло – но в нужном направлении.

Варфоломею по-прежнему не хватало чутья. Свои вполне пристойные по любым меркам выкладки он основывал на анализе биржевых котировок. И довольно успешно, благо соответствующих программ хватало. Но вот увязать затяжной сезон дождей на Ариадне с увеличением спроса на меха и драгоценности в столице Зауэра и выбросом на рынок крупных партий химически чистой меди... Да, на это была способна только Агата. Причём после ее объяснений всё становилось просто и понятно. Но только после. Эх, Платина, учиться тебе ещё и учиться.

Ладно, новый груз подождёт. А вот что надо сделать прямо сейчас, так это связаться с одной из закатских верфей и слегка поинтересоваться, как продвигается дело с заказом Макса Заславского.

Познакомиться им довелось с год назад на планете Статус, где самым прихотливым образом схлестнулись интересы аборигенов – давно уже известных Человечеству киноидов-рекн, – собственно Человечества и агрессоров-лестиан. Именно на корабле Заславского, дослужившегося когда-то в «Серебряных Чайках», планетарной разведке, аж до майора, прибыла на планету некая помесь дипломатической и разведывательной миссий в лице всё тех же «Серебряных Чаек» и пары условно подготовленных специалистов. Прибыла – и засыпалась с порочащим российскую разведслужбу треском. Сесть-то они сели, и даже наладили какое-то подобие контакта с местным правителем. Но вот выбраться с планеты возможным не представлялось, и даже просьбу о помощи удалось передать не сразу и в довольно куцем объеме. Чем ещё, кроме недооценки масштаба проблемы, можно объяснить то, что на подмогу прислали всего-то четырёх человек, а фактически – двух. Ну какие из них с Агатой помощники в таком деле?

В итоге, правда, оказалось, что мастерство пилота Кондового и исключительные эмпатические способности его названной сестрицы стали тем самым последним перышком, которое сломало спину верблюду неблагоприятных обстоятельств. И с момента прибытия на Статус корабля «Sunset Beast» ни одной жертвы среди людей не было. Ну, если не считать Юлию, бывшую жену Десницы, которую пришлось поместить в криобокс, потому что необходимую операцию по замене лёгкого и части кишечника выполнить в корабельном медблоке было попросту невозможно. Хотя бы по причине отсутствия необходимых запчастей. Но, так или иначе, Юлия Рокотова осталась жива, а, стало быть, среди людей жертв не случилось. Так то среди людей...

Разведмиссия, которую они с таким блеском «вынули» со Статуса, обошлась отставному офицеру «Серебряных Чаек» непомерно дорого, а именно в потерю корабля, который легендарный Алекс фон Строффе бросил, прикрывая старт «Тварюшки» отвлекающим маневром, на прорыв – и таран. Только и осталось, что подхваченный на орбите пилот в скапсуле да блок искусственного интеллекта, отзывавшегося на имя Ревель. И толку в пилоте и ИскИне без того, чем управлять? В общем, Варфоломей задействовал свои связи и организовал постройку нового корабля на верфях «планеты-арсенала», как уже лет полтора именовали Закат.

В принципе, никакой необходимости в контроле не было, но Платина (прозванный так Агатой в процессе предельно боевой эвакуации с Волги) предпочитал держать руку на пульсе. Тем более что Агата, с головой ушедшая в

учёбу, от активного участия в процессе снабжения Макса новым кораблем отказалась наотрез. Да и пассивное присутствовало только при оформлении заказа и выражалось исключительно в паре-тройке улыбок. Каковые вполне можно было и не тратить, члены Семьи Вересовых прекрасно помнили, кто стоял на трапе корабля, вывозившего волжскую ветвь семейства. Да и кто стрелял в лестианина, перевоплотившегося в одну из женщин, тоже не забыли.

Просто студентке Ставриной было откровенно не до того. Матушка Варфоломея даже обижалась поначалу: ни на обед подругу сына не зазвать, ни даже поболтать за чашкой кофе. Потом привыкла. Или не привыкла, а просто взяла пример с Глафиры Ставриной. Мать Семьи Ставриных, удочерившей Агату, и сама не вмешивалась в жизнь приёмной племянницы, и другим не позволяла. Взрослая уже, пусть поступает, как хочет. Университет? Прекрасно, давно пора. Жить в кампусе? Её дело, не наше. Обидно, конечно, что сильная эмпатка выбрала не педиатрию или, скажем, гериатрию, а спецкурс бортового врача. С другой стороны, какие её годы? Устанет мотаться по Галактике – вернётся, а пока и парамедиком можно побыть. Если уж так нравится.

Впрочем, кому-кому, а Платине за Агату обидно не было. Это отсутствие обиды Кондовому не слишком нравилось, он обзывал себя эгоистом и циником, но ничего не мог с собой поделать. Полноценное медицинское образование надолго – если не навсегда, карьеру-то никто не отменял – привязало бы суперкарго к грунту, а Варфоломей откровенно скучал по девушке. И не мог дождаться того светлого момента, когда она закончит учебу и снова займёт свое законное место слева от пилотского ложементы.

Да, так что же там с кораблём, который в итоге заказал Заславский? Ох, и заставила ж эта компашка побегать закатских кораблестроителей! Особенно отличился Леон Аскеров, бортинженер и редкая язва. То ему не так, это не сяк, здесь измените, тут добавьте, движки поставьте имперские... согласился бы на двигатели закатского производства – давно бы корабль получили. А с Империей пока ещё договоришься! Особенно если Горина не привлекать.

Связываться с генералом Заславский не хотел абсолютно, по обычным же каналам оборудование пришлось добывать долго и трудно. И, к слову, весьма недёшево. Потому что не совсем законно. Вот чем, интересно, Аскерову наши двигатели не угодили? Ну да, КБ «Хруничев» – это, конечно, круто, кто бы спорил, но ведь и на Закате есть прекрасные разработки! И как прикажете понимать аргумент: «Ревель требует имперские движки!»? ИскИн требует!

Дожили! Ещё бы торпедный аппарат спросили!

Варфоломей покосился на зеркальную стену делового центра, мимо которого проходил, вспомнил Агатино «Платина, этот цвет лица тебе не идёт!», и несколько раз глубоко вздохнул. Да уж, прежде чем разговаривать хоть с кем-то из своих, надо привести себя из убогого вида в божеский. И ничего лучше вкусной еды для этой цели не придумано. Во всяком случае, Варфоломей считал именно так. И практика показывала, что, по крайней мере, в отношении одного конкретного уроженца Заката этот принцип работает на «ура».

Правда, дожидаясь на редкость нерасторопного официанта, Платина опять разозлился. Однако по-настоящему хороший обед быстро привёл его в превосходное расположение духа. Надо будет запомнить эту забегаловку: мало где понимают, что ложка в супе должна стоять! Да и в остальном... а что не спешат с обслуживанием – это и к лучшему. Есть возможность спокойно поразмыслить, не заказать ли что-нибудь ещё.

Верфь, с которой он связался между изрядным куском жареной баранины и яблочным пирогом со взбитыми сливками, подтвердила, что безымянный пока корабль Заславского вот-вот сойдёт со стапелей. Приглашение владельцу уже отправили, через пару-тройку дней посудину можно будет забирать. Недурно получилось, кстати. Не знает ли Кондовый способа переманить этого инженера, Аскерова?

Варфоломей способа не знал. При всех своих несомненных достоинствах, Закат мало что мог предложить «перекати-полю». Вон и Агата в бортврачи подалась, не сидится ей на планете.

Как будто в ответ на его мысли коммуникатор пискнул, извещая владельца о принятии нового сообщения. Автором послания была Агата, мягко, но решительно предлагавшая Платине по-быстрому закруглить дела на Фокусе и появиться на Закате не позднее шестнадцатого. У неё есть сюрприз, как раз шестнадцатого будет готов. Чтобы порожняком не лететь, свяжись с господином Шварценбергом (персональные данные прилагаются), предварительная договорённость уже достигнута.

Недоумевая – и когда она только всё успевает? – Платина щёлкнул пальцами, привлекая внимание официанта, и жестами потребовал счёт. Но стоило ему

сформировать платежную сферу, как коммуникатор запищал снова, на этот раз запрашивая визуальную связь. Прикосновение к сенсору – и на экране возник Десница.

– Привет, бродяга, – скупой улыбнулся майор.

– Командир! – гаркнул Варфоломей во всю мощь лёгких, не скованных домашней, более чем полуторной, силой тяжести. Стоящая на столе солонка подпрыгнула, завалилась на бок и покатилась к краю столешницы. Командиром они с Агатой начали называть Десницу ещё на Волге, да так оно и повелось. Командир – то ли корабля, то ли по жизни, – пилот и суперкарго (она же – бортврач). Минимум миниморум самодостаточного экипажа.

Дима демонстративно поковырялся пальцем в ухе, и Платина слегка сбавил обороты.

– А я как раз собирался с тобой связаться...

– На ловца и зверь. Ты сейчас где?

– На Фокусе. Через пару дней стартую на Закат.

– Через пару? Я успею. Дождись меня, вместе полетим.

– Договорились, – Кондовый улыбался во весь рот. Жизнь была не просто хороша. Она была прекрасна.

И вероятно, официант, получивший совершенно несуразные чаевые, вполне согласился бы с этим утверждением.

Куда бы на протяжении последнего года не заносила Варфоломея Кондового затейница-Судьба, спать он предпочитал на борту «Бистяры». Не хватало ещё на гостиницы тратиться! К слову сказать, девицы, с которыми Платина время от времени знакомился в космопортах, могли обижаться или не обижаться, но на борт он их не приглашал. Никогда. «Женщина на корабле – к несчастью!». На ехидный вопрос Агаты – а она-то кто? – пилот хладнокровно заявил, что

суперкарго суть член экипажа и гендерной принадлежности не имеет. «Где и слов-то таких набрался...» – проворчала названная сестрёнка, и вопрос был закрыт.

В принципе, в данный конкретный отрезок времени в пребывании Платины на борту никакой надобности не было. Прибытие ближайшего сегодня пассажирского транспорта ожидалось не ранее чем через два часа. Соответственно, до встречи с Десницей оставалось как минимум столько же – это при условии, что он на этом транспорте. Как-то не договорились они о конкретном времени встречи, хорошо хоть с местом проблем не возникало.

Правильнее всего, конечно, было бы связаться с командиром ещё раз и уточнить детали. Но гордость и твёрдая уверенность в том, что уж Агата-то выяснила бы всё и сразу, не позволяли Кондовому так поступить. Ничего, подождем.

Итого в перспективе – не меньше двух часов ожидания. Да ещё пограничный контроль с таможней. Пусть и очень условные, службы эти на Фокусе существовали и процветали. И, видимо, чтобы хоть как-то оправдать свое наличие, время от времени начинали свирепствовать; по пустякам, естественно. Но именно условность границы и таможни делала бравых служаек абсолютно непредсказуемыми с точки зрения времени попадания вожжи под хвост. Так что Варфоломей вполне мог и прогуляться.

Мог, да. Но не хотел. Платина любил «Тварюшку». Любил нежно и трепетно. Относился к кораблю, как не каждый счастливый новобрачный относится к своей свежееобретённой половине. Здесь ему был знаком не то что каждый миллиметр пространства – каждый звук, каждый запах, каждое движение воздуха. И совершенно неважно, откуда взялся этот кораблик, который Кондовый практически собственноручно отобрал у контрабандиста. И то, что лестиянами он почему-то определялся как «свой», тоже не имело значения. Любовь она такая. Логике не поддаётся, а если поддаётся – так это уже не любовь.

А ещё закатец знал, что «Бистяра» отвечает ему полной взаимностью. И, кажется, начинал понимать, почему так редко женятся пилоты небольших судов. Ну, где ты найдёшь такую жену?

От неспешных размышлений Кондового отвлекло достаточно интересное зрелище: на один из ближайших к нему посадочных квадратов садилась

крохотная яхта имперской постройки. Судя по всему, владелец яхты был богатым параноиком – вместо одного штатного шифта посудинка была оборудована двумя. Разумеется, при такой компоновке сия красавица могла хоть взлетать кормой вверх, хоть уходить в отрыв от планеты сразу на маршевых. Но оба эти маневра предполагали ощутимое поджаривание пяток хозяина корабля, а, стало быть, бортовое вооружение должно заметно выходить за штатные рамки. Однако ничего сверх стандарта Платина пока не видел.

Единственный уверенный вывод, который он сделал, наблюдая за совершаемыми яхтой эволюциями, заключался в том, что пилот – лентяй. По опыту Варфоломея, представители только этой категории граждан предпочитали приземляться по лучу, не утруждая ни себя, ни даже бортовой компьютер элементарными расчётами. И ладно бы этот охламон на Закат садился – а то Фокус! Тоже мне, планета! Тут и делать-то нечего!

Окончательно убедившись в том, что, кто бы ни сидел сейчас за пультами яхты, ему, Варфоломею Кондовому, он и в подметки не годится, Платина широко зевнул. И чуть не вывихнул себе челюсть, поспешно захлопывая рот – на коммуникатор пришёл вызов.

– С утречком тебя, – невозмутимо приветствовал пилота Десница. – Не устал ещё ждать? Если ты на «Бистяре» – вылезай, я только что приземлился.

Агата в последний раз окинула придирчивым взглядом содержимое саквояжа, удовлетворенно улыбнулась и защёлкнула замки. Основательные такие, хрен вскроешь, если не знать – как. Правду сказать, «саквояжем» объёмистый металлопластовый ранец можно было назвать лишь весьма условно. Но – традиция. Врач ходит с саквояжем.

Однако – она подергала лямки – получилось довольно увесисто. Интересно, изобретут когда-нибудь портативные антигравы? Впрочем, что касается веса саквояжа – никто тебе не виноват, дорогая. Сама собирала. Сама решала, что должно быть под рукой в первую очередь. Ты бы ещё и цветовую маркировку на препаратах сменила, будь твоя воля... нельзя.

Неписаное правило: ассортимент, которым заполняется саквояж, может быть любым, от эталонного минимума в левой части ряда до уходящей вправо

бесконечности. Но расположение средств и их цветовой код должны соответствовать стандарту. Тот, кто придет тебе на смену, ежели вдруг на твою голову свалится что-нибудь тяжёлое (или в нее прилетит что-нибудь разрывное), не должен путаться в ампулах и флаконах. Бывают такие моменты, когда вчитываться некогда, приходится действовать на полном автомате. И синий цвет обозначает обезболивающие, красный – сердечно-сосудистые, зелёный – поддерживающие организм препараты. Всегда.

– Агафья, – девичий голос за спиной вибрировал от нетерпения, – ты скоро? Не хватало ещё, чтобы ты – ты! – сегодня опоздала в «Гнездо»!

Агата поставила саквояж в шкаф и только после этого обернулась. Марфа Ставрина, весь этот год бывшая ее соседкой по комнате, разве что ногами не топала. Хохотушка и любительница рискованных шуток, сейчас сколько-то-юродная условная сестра кипела от возмущения. На вытянутых руках Марфа («Хоть раз обзовёшь Посадницей – поругаемся!» – заявила она при знакомстве) держала белую робу, которую время от времени встряхивала. Кончик носа покраснел, рыжие кудряшки подпрыгивали в такт движениям рук, конопушки стали опасно-яркими, и Агата решила не испытывать терпение подруги и условной родственницы.

– Давай сюда. Ну вот, измяла...

– Я измяла?! – вспылила Марфа и тут же рассмеялась. – Одевайся уже, чума ты тощая!

Теперь хохотали обе, и злополучная роба чуть не упала на пол. Они потешно смотрелись рядом – природная Ставрина и Ставрина приёмная. Кудель и веретено. Не слишком высокая, ширококостная, полногрудая и крутобёдрая, Марфа являла собой ярчайший образчик закатских представлений о женской красоте. По сравнению с ней Агата действительно выглядела тощей.

Наращивать мышечные объёмы она совершенно не собиралась, но как-то бороться с силой тяжести было надо. Поэтому поддержанные соответствующими препаратами, но всё равно отнимающие уйму времени и сил упражнения были направлены на оптимизацию уже имеющихся мышц. В конце концов, занятия на тренажерах и многие часы, посвященные плаванию в бассейне с очень солёной водой, дали нужный результат. И сейчас самой себе уроженка Волги напоминала

витой, до удара кажущийся легким, хлыст.

А поначалу-то даже спать в экзаче[1 - Просторечное название экзоскелета. – Здесь и далее примечания автора.] пришлось. И привыкать не только к силе тяжести, но и к людям, выросшим на Закате и разительно отличавшимся от большинства встреченных ею раньше. Чего стоил только разговор с приёмной теткой, состоявшийся на пятый день по прибытии!

...Сумерки скребутся в окно. Они с радостью проникли бы внутрь, но тёплый золотистый свет нескольких ламп надежно держит оборону. Сумерки раззадорены, они предпринимают всё новые и новые попытки... тщетно. Всё, что остаётся обиженным сумеркам – это прильнуть к стеклу и попробовать подслушать разговор.

– Ты, наверное, пытаешься сообразить, что мне здесь понадобилось, – говорит старшая из женщин. Она сидит в кресле, положив уставшие за день ноги на пуфик, и несколько скептически разглядывает младшую, лежащую на высокой широкой кровати.

Та дышит медленно, с трудом, как будто силой заставляет себя проталкивать воздух в непослушные лёгкие. Силуэт странно массивен по сравнению с лежащей на жёсткой подушке головой. Губы кривятся в вызывающей усмешке:

– Поглядеть на неблагодарную засранку?

– Вот, значит, как ты о себе думаешь? – приподнимает старшая густую бровь, которой давненько (а может, и вовсе никогда) не касался пинцет. – Интересно. Не льсти себе, Агафья, до неблагодарной засранки тебе семь вёрст, и все буераками.

– А разве быть неблагодарной засранкой лестно? – поименованная Агафьей младшая удивлена, причем так, что даже дыхание учащается. Правда, не сильно.

– Ох, девонька! – старшая насмешливо улыбается, в голосе звучат покровительственные нотки. – Быть неблагодарной засранкой надо уметь.

Вынуждена тебя разочаровать: вряд ли ты когда-нибудь постигнешь это высокое искусство. Кстати, именно поэтому маловероятно, что ты выбьешься в Матери, даже если очень захочешь. А ты ведь не хочешь?

– Не хочу.

Младшая отвечает быстро, уверенно, не задумываясь. Должно быть, позиция по этому вопросу определена ею давно. И сумерки склонны согласиться, быть Матерью Семьи в матриархальном обществе – та еще морока.

– Вот именно, не хочешь. А чего ты хочешь? Причем настолько сильно, что готова рискнуть и сделать шунтирование в совершенно неподходящем для сей благой цели возрасте?

Взгляд младшей пытается ускользнуть в сторону, но впившиеся в ее лицо глаза старшей не позволяют сделать этого. Сумерки уже и сами не рады, что оказались так близко. Любопытство штука такая, губит не только кошек...

– Я хочу учиться, – медленно, словно нехотя отвечает младшая. На щеках проступают пятна румянца, но сумерки никак не могут решить: смущена хозяйка щек? Раздосадована? Злится?

– Для учебы шунтирование делать необязательно, – старшая непреклонна. – Разве только ты считаешь, что у тебя очень мало времени. Но почему? Почему ты думаешь именно так? Ты молода, у тебя всё впереди...

– Не всё, – цедит лежащая женщина, слегка приподнимаясь на локте. Под одеждой проступают чуть угловатые обводы экзоскелета. – Мне надо учиться быстро, потому...

– ...потому что ты хочешь приносить пользу своей семье, и приносить её как можно больше и как можно быстрее. Понимаю. Но я так же понимаю, что в понятие «семья» ты вкладываешь не Ставриных, а тех двоих, вместе с которыми выбиралась с Волги. Помолчи, дай мне сказать. Я не вижу в этом ничего странного и, тем более, ничего дурного. Есть такое понятие: «импринтинг». Запечатление. В данном случае – запечатление в кризисной ситуации. Они для тебя семья, а мы нет. И ты мечешься между благодарностью нам и неприятием того образа жизни, мыслей и действий, которого, как ты думаешь, мы от тебя

потребуем. Так вот, не потребуем.

Теперь сумерки уже совершенно уверены в том, что младшая смущена. А старшая продолжает как ни в чем не бывало:

– Меня беспокоит эта твоя затея, и беспокоит сильно. Но всё, что я намерена предпринять по этому поводу – употребить связи Семьи для того, чтобы тебя оперировала лично Елена Дементьева. Я их уже употребила, кстати сказать. И вот ещё что, – Глафира Ставрина поднимается на ноги, направляется к выходу из комнаты и уже у самых дверей оборачивается. – Сумма, которую ты перечислила клинике за операцию, возвращена на твой счет. Оплата должна – и будет – производиться Семьёй Ставриных.

– Почему?! – вскидывается Агата. Точнее, пытается вскинуться. Получается так себе.

– Потому что твое шунтирование – дело семейное. А мы – твоя семья, что бы ты сама ни думала по этому поводу.

– Агафья! – вот теперь Марфа не выдержала и топнула-таки ногой. – Хорош мечтать, побежали!

Агата встряхнулась и вслед за подругой выскочила из комнаты. Короткий коридор, вестибюль, двери, едва успевшие среагировать на появление девушек...

У маленького кара маялся ожиданием Лавр Федченко, вполне уже готовый сменить фамилию на Ставрин – было бы на то согласие Марфы. С согласием Марфа не спешила.

– Ну наконец-то! – негодованию парня не было предела. – Опять, лиса-колбаса, перед зеркалом крутилась?

– Ничего подобного! – лазить за словом в карман Марфа не привыкла. – Это всё Агафья – то так повернётся, то этак! Полчаса красоту наводила!

– Да ладно, скажи уж честно – завидуешь! Тебе-то до белой робы ещё ого-го сколько!

Не обращая внимания на перепалку (милые бранятся – только тешатся), Агата уселась на переднее сиденье и не выдержала – покосилась на левую сторону груди. Там, грозно сверкая рубиновым глазом, обвивала чашу крылатая змея. Эмблема бортовых медиков. Да, белая роба... на Закате белые медицинские робы были парадной одеждой дипломированных врачей. Агате пришлось изрядно потрудиться, чтобы заработать право надеть такую. И дело было не только в учёбе.

Проблемы вылезали из щелей таких узких, что было совершенно непонятно: каким образом они туда попали и как ухитрились протиснуться наружу. Взять хоть историю с поступлением в университет. Агата не без оснований полагала, что результаты квалификационных тестов, проведенных по окончании курса обучения у Спутников, будут учтены приёмной комиссией. Вот только получить эти самые результаты оказалось неожиданно трудно.

Головной офис компании «Верный Спутник», расположенный на Земле, вовсе не горел желанием облегчать только что (с месяц назад) обретённому ценному сотруднику задачу по выходу из-под контроля. И пусть поставщикам элитного эскорта она не была должна ничего, сполна расплатившись за каждый день обучения – руководство агентства абсолютно не собиралось упускать возможную выгоду.

Их, кстати, вполне можно было понять. Подходящий человеческий материал для подготовки Спутников – и Спутниц – в принципе попадался не слишком часто. Кроме того, мало найти перспективную заготовку для гремучей смеси секретаря, телохранителя, парамедика и любовника (любовницы), надо эту заготовку убедить сотрудничать. Именно убедить – специалист такого профиля, работающий из-под палки, более опасен для клиента, чем киллер экстра-класса.

Так что в ответ на отправленный запрос Агата получила вежливый, но категоричный отказ. Предоставить информацию по требованию нанимателя офис был готов в любой момент. Но только по требованию нанимателя. Агата Ставрина, урождённая Дарья Филатова, в эту почтенную категорию не входила.

Тогда она растерялась, что, в общем-то, было ей не свойственно. Однако совершенно неожиданно ситуация разрешилась. Марфа, выслушавшая короткую энергичную тираду новой родственницы, покрутила пальцем у виска и выдала Агате несколько крайне нелицеприятных определений её умственных способностей. После чего, скорчив на прощание возмущённую гримаску, куда-то убежала.

Неделю спустя диппочта доставила с Земли пакет, содержащий нотариально заверенные копии результатов всех тестов, пройденных уроженкой Волги Дарьей Филатовой в ходе подготовки. Начальных, промежуточных и финальных. То, что в настоящий момент Дарья Филатова натурализовалась как гражданка Заката Агата Ставрина, не играло никакой роли. Натурализацию подтверждало посольство Заката на Земле. В приложенном к копиям послании вице-консул посольства добродушно пенял «племяннице» на то, что она забывает (или стесняется?) пользоваться семейными связями. А ведь делов-то на комариный чих!

– Агафья! Ну, Агафья же! Приехали!

Отбросив воспоминания, Агата рассмеялась и нырнула в круговерть «Гнезда».

Глава 2. Карусель начинается

– Фрэнсис! Фрэнсис! Я купил себе новую шляпу!

к/ф «Сердца трех»

На Закат они прилетели втроём: Варфоломей, Десница и «Тварюшка». Погруженную на борт яхту командира Кондовый постановил считать грузом. Дима хотел лететь сам, упирался рогом, ругался, утверждал, что уже вполне трезв, а приземлялся по лучу исключительно от лени... Платина был неумолим. Раз уж командир хочет именно доставить яхту на планету, так нечего валять дурака. В любом случае сам он не справится. Не тот шарик Закат, чтобы с ним играть. Даже и при наведении с поверхности может скверно обернуться. Время года в их полушарии сейчас для экспериментов неподходящее. Реакция и опыт

такие нужны, что будьте-нате.

И чего ради зазря гонять реактор? Вот есть «Тварюшка». В «Тварюшке» имеется встроенный трюм – с полгода назад пришлось провести перепланировку под крупногабаритные грузы. Яхта в этот трюм вполне поместится. Да, длины хватит впритирочку, ну так на то и Варфоломей, чтобы нос не поцарапать и переборку не погнуть. В конце концов, Деснице пришлось смириться.

Время в пути пролетело незаметно: Платина откровенно наслаждался возможностью пообщаться с командиром и говорил за двоих. И даже, пожалуй, за троих, компенсируя тем самым отсутствие в рубке Агаты.

Дима был молчалив. Впрочем, он всегда был молчалив. За ходом повествования следил, в нужные моменты кивал или восхищался; чего ж ещё? А Варфоломей разливался соловьём: успехи, достижения, маршруты и грузы, веришь – порой присесть некогда! Десница неопределённо усмехался.

Уже на Закате Варфоломей обнаружил, что к назначенному Агатой времени встречи в «Гнезде» если и успевают, то совсем впритык. К тому же командир потребовал, чтобы яхту выгрузили из трюма. Задумываться о причинах Платине было некогда. Просьба посоветовать на Закате надёжную оружейную фирму и вовсе была в порядке вещей – за чем и летать на «планету-арсенал», как не за оружием!

– С Кондратом Вересовым свяжись, помнишь такого? Его Семья что угодно продаёт, от пистолетов до корабельного вооружения. А уж тебе-то, памятуя о Волге, луну с неба достанут, да ещё и со скидкой. Командир, ну брось ты думать о делах, Агата ждать будет, погнались!

Они всё-таки опоздали. Когда Варфоломей, старательно загораживая Десницу своей широкой спиной (у Агаты сюрприз? у него тоже!), подошел к дверям, ведущим в большой зал, торжество уже началось.

С ходу разглядеть подругу не получилось. За сдвинутыми буквой «П» столами сидело сейчас человек сто. В основном медики, настоящие и будущие – в глазах сразу зарябило от голубых, зелёных и белых роб.

Попадались, впрочем, и полицейские, и спасатели, и военные. Хватало и обычных граждан, расфуфыренных в пух и прах. Всё это пёстрое сборище почтительно внимало Елене Дементьевой – лучшему нейрохирургу Заката, стоявшей чуть справа от центра стола с бокалом в руке. Голубые, чуть выцветшие от возраста, глаза обычно грозной дамы искрились, седые волосы рассыпались непослушными прядями.

– ...время, когда она вернётся в большую медицину. Пока же я просто поздравляю Агату Ставрину со вступлением в славный цех. Дамы и господа! За доктора Ставрину! Ура!

– Ура!!! – взревели сидящие за столом люди, заглушая звон сталкивающихся бокалов.

Рядом с Еленой Феодосьевной поднялась на ноги смущённая Агата. Попробовала было сказать ответный спич, сбилась, покраснела, наконец, выдавила:

– За тех, без кого я ничего не достигла бы. За вас! – и села на место под аплодисменты собравшихся.

Варфоломей, рискуя заработать косоглазие, пытался одновременно смотреть на подругу и под ноги: по его прикидкам, отпавшую челюсть следовало искать где-нибудь на полу. Выступление профессора Дементьевой, великой и ужасной, должно было, по идее, подготовить его к увиденному, но что-то не срослось. Белая роба. Белая! Это же значит... это значит, что Агата... закончила?! Закончила обучение и получила диплом?!

Впрочем, жизнь в очередной раз продемонстрировала Платине, что не собирается давать ему времени на переливание из пустого в порожнее. В середине одного из крыльев стола взвился орлом сокол Мишка Силин. Когда-то соучастник бесчисленных детских проказ, а теперь – заклятый друг и конкурент, он не первый месяц подбивал клинья к Агате. Не как к женщине, а как к суперкаргу. Женщину ему Кондовый, пожалуй, простил бы, но Мишка замахнулся на святое. А то, что он нёс теперь, с точки зрения Варфоломея, и вовсе выходило за рамки приличий.

– Я присоединяюсь к поздравлениям профессора Дементьевой и имею честь сообщить доктору Ставриной, что на борту «Гелиоса» ее ждёт вакансия второго

бортового врача!

Такой наглости Кондовый стерпеть уж никак не мог.

– На борту «Sunset Beast» доктора Ставрину ждёт вакансия первого и единственного бортового врача! – рявкнул он, воздвигаясь в дверном проёме статуей Командора.

– Платина! – завопила, вскакивая, Агата, с которой мгновенно слетели смущение и намерение соответствовать торжественности момента. Задев спинки стульев и плечи сидящих за столом, она со всей возможной скоростью протискивалась к Варфоломею. Вокруг улыбались. Посыпались шутки и подначки. Чье-то «Ух ты!» при виде того, как выбравшаяся на оперативный простор Агата с разбегу прыгнула на Кондового, потонуло во взрыве хохота.

– Ну, подруга, ты даешь! – провозгласил Платина, отпуская девушку и с удовольствием целуя подставленную щеку. – Уж ошорпризила так ошорпризила!

– Ты доволен? – с самым невинным видом осведомилась Агата. Глаза ее сияли.

– Не то слово! – искренне ответил Варфоломей. – Кстати, о сюрпризах. Господин майор!

До поры до времени скрывавшийся за дверным косяком Дима шагнул вперед. Агата бросилась к нему и вдруг резко остановилась, словно налетела на невидимую стену.

– Командир? – неуверенно произнесла она. – Это действительно ты, командир?

Пилот среагировал мгновенно. Оружия у него – как (кажется) и у Десницы – при себе не было, поэтому он просто сделал один длинный, скользящий шаг, плечом оттирая побледневшую девушку себе за спину. Дима дернул уголком рта, подчеркнуто медленно запустил руку под рубашку, что-то там нащупал... позади Кондового облегченно выдохнула Агата.

– Ну, ты меня и напугал. Ффух... Всё в порядке, Платина. Все свои. Что это было вообще?

– Да так, – криво усмехнулся Десница. – Техника, знаешь ли, не стоит на месте. Давай не сегодня, а?

– Давай, – согласилась Агата, расцветая улыбкой. – Пошли за стол, для Варфоломея место оставили, и тебе сейчас тоже что-нибудь организуем.

– Не хлопочи, – остановил Дима горящую энтузиазмом девушку. – Что-то я устал. То ли гравитация, то ли старею... Вы празднуйте, а я пойду, прилягу. Тут по дороге отельчик попался, «Мамина сказка», там и заночую. Завтра поговорим.

– Ладно, как скажешь... – недоуменно пожала плечами Агата и дернула пилота за рукав: – Айда, Платина, пока без нас всё не съели!

Просыпалась Агата с трудом. Голова была ясной, не кружилась и не болела – должно быть, по возвращении с банкета доктор Ставрина догадалась-таки принять стабилизатор, – но отрываться от подушки не хотела совершенно. Можно и нужно было спать дальше. Однако вновь погрузиться в сон не получилось. Что же это так мешает-то, а? Сообразив, в чём дело, девушка чуть не рассмеялась. В комнате царил бескомпромиссный, могучий, сметающий всё на своём пути храп.

Приподнявшись на локте, Агата уставилась на соседнюю кровать. Марфы на ней не наблюдалось, зато наблюдался Платина, полностью одетый и почему-то в одном ботинке. Ботинок был ярко-красным.

Чертыхаясь вполголоса, девушка нехотя выползла из-под одеяла и отправилась в ванную. Полчаса спустя жизнь стала вполне сносной штукой. Теперь следовало сделать ее таковой и для Варфоломея: путем парочки инъекций. Вот служба и началась, мелькнула в голове ехидная мысль. Первейшая обязанность бортового врача – приведение пилота во вменяемое состояние.

Через несколько минут Платина задышал ровнее, потом с хрустом потянулся (кровать протестующе скрипнула) и открыл глаза.

– Привет, – хриплым со сна голосом выговорил он. – Ты не знаешь, почему у меня нога болит?

– Потому что ты спал в ботинке, – любезно проинформировала пилота Агата, сохраняя предельно нейтральное выражение лица.

– В каком ещё ботинке? – возмутился Варфоломей. – Я был в сапогах! И я их снял, я точно помню!

Агата огляделась и действительно увидела у входной двери щегольские сапоги.

– Ну да, – покивала она, соглашаясь с очевидным, – сапоги ты снял. А ботинок надел. Где ты его взял, кстати? А главное – зачем?

– Нашёл, – пробурчал Платина, садясь на кровати и стаскивая с ноги злополучный предмет обсуждения. – Кажется, в коридоре. А что? Красивый, мне понравился. Представляешь, каково ему пришлось, бедняге? Пусто, темно, холодно... Вот я его и поднял. И надел, чтобы ему не было так одиноко.

Ощущение съезжающей крыши посещало Агату не слишком часто. И почему-то большинство эпизодов этого ценного, но не слишком обнадеживающего опыта приходилось на общение с Варфоломеем.

– Так, всё. Сам разбирайся со своей обувью. И с НЕ СВОЕЙ обувью тоже разбирайся сам. Мой тебе совет – попробуй вспомнить, возле какой двери ты подобрал сие произведение искусства, и верни его на место. Только тихо, а то владельцу может и не понравиться применённый тобой способ разноски. А я пошла к командиру, поволоку его в «Гнездо», завтракать.

С этими словами девушка развернулась на каблуках и, ловко перепрыгнув через сапоги Платины, выскочила за дверь. Надо было разыскать Десницу, перекусить и разобраться со вчерашними странностями. Причем именно в такой последовательности.

Посылать майору вызов на связь Агата посчитала неуместным – час был сравнительно ранний. Судя же по пойманному ею вчера всплеску эмоций, бессонница была куда более вероятным спутником Десницы, чем сон праведника. Стало быть, не исключено, что заснул мужик только под утро. Хотя бы уж не один! – толковая девчонка вполне могла бы привести командира в порядок. Вот только где ж её тут взять, толковую?

Нет, толковых-то было много, но профессиональная проституция на Закате отсутствовала как класс. А господину майору вчера требовалась именно профи – или вообще никто. Черти бы взяли этот банкет! И она, Агата, тоже хороша: отпустила командира одного, повеселиться ей, видите ли, захотелось!

За размышлениями девушка сама не заметила, как добралась до «Маминой сказки». За стойкой портье позёвывала знакомая физиономия: студенты медицинского факультета подрабатывали кто где, и этого парня она, кажется, встречала. Ну, так и есть:

– Доброе утро, доктор Ставрина! Поздравляю вас!

– Доброе утро, эээээ... – она покосилась на бэйдж, – Сергей. Спасибо за поздравления. Мы знакомы?

– Не то чтобы знакомы... – слегка смутился парнишка. – Просто старый Погосян чуть ли не на каждой лекции упоминает о пользе эмпатии для бортового врача... и приводит в пример вас.

Агата усмехнулась: Семья Погосян славилась вышедшими из нее медиками, а Виталий Александрович не первое десятилетие гонял будущих бортврачей. Получалось у него здорово. И возраст не мешал.

– Лучше бы он привёл в пример себя. Эмпатия в сочетании с опытом куда полезнее собственно эмпатии. Ладно, не о том разговор. Сергей, Дмитрий Десница с Земли остановился у вас?

– Секундочку... да, у нас.

– Он в номере? – введённая ещё на заре колонизации планеты система фиксации в любых помещениях была налажена чётко. Специфика Заката: на случай аварии или природного катаклизма, нарушившего герметичность купола, следует точно знать, кто где находится. И хотя ничего экстраординарного не происходило уже много лет, и купола почти повсеместно заменили силовыми полями, отменять старое правило никто не спешил. Такая постановка вопроса заметно облегчала жизнь полиции. Ну, и шантажистам, конечно, но последних на Закате не жаловали до такой степени, что само понятие давно исчезло из обиходного языка.

– В номере. А...

Задать вопрос Сергей не успел, Агата поняла его с полуслова.

– Это мой друг. Когда на Волгу напали лестиане, Дмитрий на пару с Варфоломеем Кондовым вытащили оттуда, в частности, и меня. Вот такие пироги. Так я поднимусь?

– Подни... стоп, он уже не в номере. Вышел.

В «Гнезде» было тихо и почти пусто. Следы вчерашнего пиршества (попойки, дорогая; вещи надо называть своими именами!) исчезли, столы заняли свои законные места. Посетителей почти не было: студенты и преподаватели в большинстве своем пребывали на занятиях. Случайные же люди в патронированное медицинским факультетом заведение заглядывали нечасто. Кому охота в качестве антуража к обеду получить обсуждение техники вскрытия или подробное описание «сборки» сложного перелома!

Почти полное отсутствие чужаков и добродушный цинизм своих нравились Агате. Это – и ещё наличие в «Гнезде» столиков на одного. Впрочем, на этой планете столики и кабинки на одного имелись в любом кафе. Или ресторане. Или даже дешёвой забегаловке.

К человеку, сидящему за таким столиком, не принято было подходить без крайней надобности. На Закате вообще уважали чужое одиночество. Вынужденная компактность проживания и впитываемая с молоком матери полувоенная дисциплина время от времени требовали разрядки. И любой уроженец Заката считал дурным тоном приставать к человеку, которому захотелось побыть одному.

Сегодня, однако, Агате требовался столик на двоих. Предоставлять «право на одиночество» насупленному командиру она категорически не собиралась. Как не собиралась и первой начинать разговор. Вот выпьет человек кофе, придет в пристойное расположение духа – тогда и поговорим.

По поводу связи между кофе и настроением собеседника у нее сомнений не было: вот уже год «Гнездо» предлагало посетителям в том числе и оймяконские сорта. Лучший кофе в известной человечеству части галактики произрастал почему-то в теплицах планеты Оймякон, и с этим приходилось считаться не только гурманам, но и торговцам. Поставки оймяконского кофе на Закат осуществляла компания «Радда, Инк», принадлежащая Агате Ставриной, Варфоломею Кондовому и Дмитрию Деснице. Естественно, любимое заведение Агаты получало зёрна с изрядной скидкой. И подать абы что совладелице «Радды» и любому из её гостей здесь не могли просто по определению.

Расчёт оказался верным: уже десять минут спустя тяжёлые складки на лбу Десницы начали разглаживаться. Он улыбнулся со скупым одобрением, подлил себе кофе – Агата знаком велела официантке принести ещё один кофейник – и неожиданно накрыл ладонь девушки своей.

– Так, говоришь, напугал я тебя? – это были первые слова, произнесённые майором в её адрес после сугубо формального приветствия в гостинице и принятия приглашения на завтрак.

– Ещё и как, – честно ответила Агата. – Мне чуть плохо не стало. Эмофон – один в один лестианский.

– Ага! Значит, работает, – удовлетворённо кивнул Десница.

– Работает – что? – доктор Ставрина чувствовала острую необходимость брать быка за рога, пока командир не передумал общаться и не замкнулся снова. Мог, вполне мог, это она чувствовала безо всякой эмпатии.

– Да мне тут кое-какое оборудование подогнали на предмет полевых испытаний. Смотри, – он, как накануне, сунул руку под рубашку и вытащил из-под нее тонкий цилиндр на короткой, под горло, цепочке. Похоже, цералановой. Точно, очень характерный цвет металла. – Это так называемый «кокон». Пассивный вариант. Когда включен – имитирует лестианскую «серую кашу». Так ты, кажется, это назвала?

Агата, ещё в гостинице сбросившая первый контур щитов ровно настолько, чтобы убедиться, кто перед ней, завороченно рассматривала прибор.

– А ну-ка, включи ещё раз, – скомандовала она, раскрываясь полностью, и тут же отпрянула. – Выключи. Вот ведь зараза... Погоди, ты сказал – «пассивный вариант». А что, есть и активный?

– Есть, как не быть, – ледяная улыбка Десницы Агате не понравилась категорически. Должно быть, он понял это, потому что тут же вернул на лицо нейтральное выражение и продолжил:

– Сработан в форме зарядов к пистолету. Немного нестандартных, конечно, как и сам пистолет. Если попасть капсулой в незащищенный участок тела – имеется в виду, без брони – то эмпату глушится восприятие эмо-фона. Совсем.

Девушка зябко передернула плечами: представлять себя на месте бедняги, в которого угодила такая капсула, не хотелось. Щиты-то – штука привычная... Но одно дело зонтик, который в любое время можно сложить, и совсем другое – бетонный мешок. Или гроб, засыпанный толстым слоем земли.

– Да уж... слушай, давай договоримся: на мне ты полевые испытания проводить не будешь.

Майор соорудил максимально коварную гримасу, но не выдержал и рассмеялся. Вслед за ним засмеялась и Агата.

– Кстати, а что эта штука – которая активная – делает с не-эмпатом?

– Просаживает наиболее развитый орган чувств.

– Ого! То есть аудиал глохнет, визуал слепнет, а кинестетик теряет осязание?

– Примерно так. Не теряет, конечно, но ослабление заметное. Ещё – суггестивный эффект. В лабораторных условиях добровольцы демонстрировали практически полное подавление воли.

– Лихо! – девушка допила кофе и поставила чашку на блюдце. – Ладно, я поняла. Бог с ним, с этим твоим оборудованием. Скажи-ка мне, командир, вот что: на Закат-то тебя каким ветром занесло? Да ещё и при собственной яхте?

Десница, оживившийся было, опять помрачнел.

– Варфоломей проболтался? Н-да... яхта... видишь ли, тут такое дело... отец у меня умер. Так что, можно сказать, прокучиваю наследство.

– Соболезную, командир, – склонила голову Агата. – Замечательный был человек. Давно?

– Третья неделя.

Ответом ему было напряжённое молчание и тяжёлый, испытующий взгляд иссиня-серых, почти черных глаз.

– Дима, – впервые после Волги Агата назвала его так, – а почему ты думаешь, что Валерия Мефодьевича убили?

– А с чего ты взяла, что я так думаю? – майор вслед за своей визави понизил голос почти до шёпота.

– Можешь поддержать меня за сиську, разрешаю. Но за дурочку всё-таки не стоит. Будь Дмитрий Десница плейбоем, только и ждущим случая наложить лапу на папины денежки – я бы не удивилась, что он не стал дожидаться сороковин. Вот только ты не плейбой. Совсем.

– Интересно... дальше?

– Купил ты не что-нибудь, а яхту, причём поставил второй шифт – Платина вчера мне все уши прожужжал. Второй шифт нужен для активных действий. Очень активных. И, как правило, не очень законных – если речь идет о гражданском корабле. Уж настолько-то я в предмете разбираюсь. А по прилёте поинтересовался не кем попало, а оружейниками. Что, патроны к пистолету закончились? Не смешно. Раз ты решил разобраться – а ты решил – стало быть, есть с чем.

– Гм... а ты не думаешь, что я уже большой мальчик? И придерживаюсь доброй старой точки зрения на температуру подачи такого блюда, как месть?

Девушка приподняла одну бровь, придав лицу предельно скептическое выражение.

– Месть? Возможно. Но задуманная тобой стряпня, сдаётся мне, называется «возмездие»... ну, или, чтобы не быть слишком пафосными – «наказание». А это разные рецепты. Очень разные.

Десница побарабанил пальцами по столу и заключил:

– Плохо.

– Что именно?

– То, что мои действия просчитываются вот так, на «раз-два-три». Это значит, что у меня очень мало времени.

Агата откинулась на спинку стула и прищурилась. Выражение её лица майору было знакомо ещё с Волги («А ты мне пока не заплатил за выполнять приказы!»), и он совсем не удивился, когда услышал вкрадчивое:

– Командир... ты ведь не собираешься стряпать это своё блюдо в одиночку? Повар ты хоть куда, кто бы спорил, но без поварят как-то несподручно, нет? Кто-то ведь должен чистить овощи, подавать ножи, мыть посуду... или бить ее. О головы конкурентов. Чтобы под ногами не путались.

– Агата!

– Одиннадцать лет уже Агата. А Даша и вовсе двадцать девять. Так что?

– Слушай, я не могу...

– Я сейчас тебе скажу, чего ты точно не можешь, – голос доктора Ставриной зазвенел сталью. Какой-то явно не выпавшийся парень по соседству удивленно поднял голову от тарелки, и она, сладко улыбаясь, слегка сбавила обороты. – Ты не можешь сбросить с хвоста меня. И Платину – как только он окончательно проспится и сложит два и два. Уразумел?

Десница сжал губы так, что отчетливо проступили жилы на шее. Впрочем, когда он заговорил, в голосе звучала только ласка. И – где-то на самом дне – бешенство.

– Знаешь, лапочка, я тебя, кажется, ненавижу.

– Это пройдет, командир, – ощерилась Агата. – Не сразу, но пройдет.

Становящийся не в меру темпераментным разговор был прерван грохотом каблуков: видя цель, веря в себя и чихая на все препятствия, к ним приближался Варфоломей. Остановился, окинул сотрапезников грозным взглядом. Ногой подтащил стул от соседнего столика, уселся на него верхом, водрузив скрещенные руки на спинку, а подбородок на руки. Сузил глаза.

– Интересный разговор я только что имел с дядей Кондратом. Вересовым, – процедил пилот вместо приветствия. – За подключение наших систем бортового вооружения к маломощному реактору. Хор-рошему реактору. Но маломощному. На яхте, наверное, стоит. Да, командир? Это куда ж ты лететь-то собрался? Без меня?

– Спокойно, Платина, – лениво отозвалась Агата, – спокойно. Уже никто никуда не летит. Во всяком случае, никто никуда не летит без нас. Верно, командир?

– Мерзавцы, – бесцветным голосом выговорил Десница. – Негодяи. Сволочи.

И вдруг взорвался:

– Чёрт с вами!

– Давно бы так, – деловито подытожила Агата. – Платина, мой допуск на «Бистяру» в силе? Пойду, проверю медблок. А ты займись диагностикой и дозаправкой.

Два человека неторопливо мерили шагами старый парк, уходя всё дальше от многолюдья одного из последних погожих деньков. Скупое осеннее солнце совсем не грело, пахло прелью и близкими уже холодами.

Ухоженные центральные аллеи остались в стороне, под ногами шуршали опавшие листья, которые здесь, в заброшенном уголке, никто и не думал убирать с дорожек. Клёны стояли бесстыдно-голые, и рядом с ними высоченные, растерявшие в борьбе за место под солнцем нижние лапы, ели казались классными дамами, удручёнными поведением воспитанников. Временами порывы холодного ветра доносили не музыку даже – мечту о ней: где-то в отдалении играл духовой оркестр.

– Красиво, – вздохнул полковник Дергачёв. – На Марсе такого не увидишь.

– Это точно, – кивнул генерал Горин и вдруг тихонько рассмеялся, слегка подталкивая спутника локтем и показывая глазами вверх. Там, над верхушками деревьев, ни с того ни с сего задрались, что-то не поделив, две сороки. Третья, изображая из себя рефери, носилась вокруг них и стрекотала что есть мочи. Чёрное, отливающее на солнце зеленью перо спланировало прямо к ногам генерала, и он поднял его, задумчиво пропуская сквозь пальцы шелковистую гладкость.

– Удачно, что ты сам прилетел, Лексейлексеич, иначе мне пришлось бы тебя настойчиво приглашать, – неожиданно сказал Горин. – А это, сам понимаешь, морока ещё та: ведомства-то разные.

Дергачёв, не торопясь отвечать, сделал вид, что любитесь совсем крохотной синичкой, беззаботно скачущей по нижней ветке клёна. Странное дело: синицы – птицы в Москве всесезонные, но летом их почти не заметно в листве. Зато сейчас радующая глаз желтопузая малявка была видна совершенно отчетливо.

– И зачем же я тебе понадобился? – полковник постарался сделать голос максимально нейтральным. С Папой Геной держать ухо востро приходилось не только противникам.

– Мне нужен Игорь Соловьёв.

– Самому нужен, – хмыкнул полковник, не считая нужным демонстрировать удивление, которого не испытывал.

Так и знал ведь, что рано или поздно художества пропавшего Птица попадут в поле зрения разведки. А Горин – это даже и хорошо, с кем-то молодым да ретивым беседовать было бы не в пример хуже.

– Единственная проблема – понятия не имею, ни где он сейчас, ни что с ним. Хотя и интересуюсь, да. Ну, мой-то интерес понятен, свой как-никак. А тебе-то он на кой леший сдался?

– Да, видишь ли, какая картинка интересная вырисовывается... – медленно выговорил генерал. – Некоторое время назад у вас случился провал, причем крупный: целое подразделение отправилось к праотцам. За некоторыми исключениями. Предавшего своих Ильи Штрауба мы сейчас касаться не будем, потому что он не попадался более на глаза ни разведке, ни контрразведке. Но пропал не только он, а ещё и Игорь Соловьёв. Потом месяца так три назад вдруг зарисовался на НовоРа и оказался в тёплых объятиях wnętrьков. Из этих объятий ты его извлёк, после чего сей талантливый молодой человек был замечен в непосредственной близости от Валерия Десницы. Визит в летний дом, то-сё... ты в курсе, кстати, что Правша умер?

– В курсе, – помрачнел Дергачев. – На похороны вырваться не смог, ч-чёрт... но навещу обязательно.

– Угу, – кивнул разведчик. – Навести. Дело неплохое, правильное дело, вот только...

– Что – только? – жандарм мгновенно насторожился.

Теперь с ответом медлил уже Горин, и от его молчания, тяжёлого и злого, Алексею Алексеевичу Дергачёву становилось не по себе.

– Не сам он умер, Лёша. Не сам. Убили Правшу.

С полминуты полковник пристально рассматривал своего собеседника. Потом, окончательно убедившись, что тот и не думал шутить, огляделся, куда бы присесть. Не нашел и прислонился к еловому стволу, нимало не заботясь о том, что выступившая смола может испортить куртку.

Молчание затягивалось, но Горин не спешил его нарушить. Лёшка Дергачёв – мужик умный, а что обстоятельный и не шибко торопливый, так это достоинство, а не недостаток. Думает-то он быстро, все бы так быстро думали, но выпаливать первое, что в голову взбредёт, не приучен. Оно и к лучшему, кстати. Пусть обмозгует, тем точнее выводы будут.

– Убили, говоришь... а Соловьёв-то тут с какого боку?

– А Соловьёв тут с такого боку, что практически сразу после упомянутой встречи Десница начал активно копать под корпорацию «Vitae Serve». Откуда-то у него появилась просто-таки гора информации, причём самой разнообразной. И в самой разнообразной форме, включая психоматрицы работы всё той же «Vitae Serve». У него – информация, а Игорь Соловьёв опять куда-то делся, что характерно – с концами. А сейчас здесь стоишь ты, Лёша, и говоришь мне, что даже у тебя на Соловьёва концов нет.

– И ты полагаешь, что источником информации послужил Птиц. И именно из-за неё убили Десницу, – флегматично отозвался Дергачев. Флегма была напускной, но сути дела это не меняло.

– Есть такое мнение, – не стал ломаться Горин; и то сказать – не девочка. Потом максимально язвительным тоном продолжил: – Я, может, и пехтура, но пару двоек перемножить в состоянии. Правша это дерьмо основательно разгребать начал, а поскольку остальные его дела рутина и текучка... ну, ты понял. Сын его Важину на выбор два рапорта принес – об отпуске за свой счёт и об отставке. Смекаешь, к чему я?

– Понял, не дурак, – полковник Дергачёв с еле заметным сарказмом в голосе растянул правый уголок рта в невеселой усмешке. – Дурак бы не понял.

Он оттолкнулся лопатками от слегка спружинившей ели и, засунув руки в карманы, двинулся к берегу крохотного пруда, почти лужи, так густо заросшего пожелтевшей осокой, что воды практически не было видно. Постоял, вдыхая сырой знобкий воздух, удивительно живой по сравнению с сухим и колким, несмотря на терраформирование, воздухом Циолковского, столицы Марса. Развернулся на каблуках. Приподнял вопросительно бровь.

В этот момент он был удивительно похож на своего служащего в СБ кузена. С той лишь разницей, что Алексей Дергачёв никогда не пытался казаться более важной персоной, чем есть на самом деле, а для Дергачёва Сергея подобное поведение было нормой. Чего стоила только попытка раскрутить на сотрудничество Дарью Филатову, чудом выбравшуюся с Волги. Провозился со Спутницей, а итог? Фигурантка получила закатское гражданство, да к тому же вошла в одну из самых влиятельных Семей. А не важничал бы, глядишь, и... да что теперь говорить!

Конечно, вся эта возня пришлась Горину исключительно на руку, как приходилось почти всё, с чем сталкивали его жизнь и служба. Не само приходилось, конечно. Папа Гена годами, десятилетиями учился – и учил подчиненных – разворачивать любую встреченную избушку в потребный для блага службы ракурс. К примеру, не встрянь конкурирующая контора в дело госпожи Филатовой, пришлось бы поискать подходы к строптивому «Чёрному Единорогу». Ещё не факт, что нашлись бы быстро и приемлемые по цене. А так Дима Десница заплатил согласием разгребать бардак на планете Статус за помощь в вызволении случайно подобранной им на Волге девки. Заплатил, не торгуясь. Даже давить не пришлось. И тратиться тоже. Но фанфаронства Сергея Дергачёва, фанфаронства, выливающегося в некомпетентность, это не отменяло.

– Материалы, Лёша, – теперь генерал заговорил жёстко, роняя слова, как окалину с пышущей жаром подковы. – Материалы. Зацепки. Намётки. Всё, что есть. Дмитрий что с ними в пекло ползет, что без, но я хочу, чтобы у него был шанс. Хоть какой-то. Может, по ходу пьесы и Соловьёв твой отыщется, Дима – парень дотошный.

Дергачёв молчал. Долго молчал.

– Я дам материалы, Гена, – медленно, словно нехотя, ответил он наконец. – Дам. Но не тебе. Они ведь Диме Деснице нужны? Вот он их и получит.

– А что ж так-то? – зло прищурился Горин.

– Не хочу потом своих людей с твоего крючка снимать. Ты вон с год назад единственного сына своего друга не постеснялся в самое пекло пинком спровадить, что уж о чужих говорить...

– Хорошего ты обо мне мнения, Алексей.

– Хорошего. Был бы плохого – и разговаривать бы не стал. Не первый раз замужем.

Алекс фон Строффе был доволен жизнью. Доволен настолько, насколько это вообще возможно для человека, вынужденного находиться на планете, чья сила тяжести более чем в полтора раза превышает привычную для него. Но даже необходимость таскать экзоскелет была лучше того непотребства, которое ему пришлось на протяжении почти года терпеть на Земле.

Первую фазу своего пребывания на родной планете он запомнил весьма слабо. Там и запоминать было нечего – ну госпиталь и госпиталь, подумаешь... Интерес представляли разве что пространные рассуждения лечащего врача о том, что господину фон Строффе очень повезло с теми, кто оказывал ему первую помощь.

Сомневаться в способностях Отто Лемке у Алекса оснований не было, но, к его удивлению, пришедший навестить раненого тевтон решительно отнёс благодарность. Заявив, что «спасибо» следует говорить не ему, а пилоту с Заката, вовремя поймавшему капсулу, и милой девушке, исключительно правильно укомплектовавшей медблок подотчётного корабля.

Познакомиться с упомянутыми персонажами возможным не представлялось: на тот момент, когда Алексу позволили прийти в себя, оба уже отбыли на пресловутый Закат. Вот разве что снимки...

На первом крепкий, чтобы не сказать массивный, светловолосый парень небрежно развалился в пилотском ложементе. Рубка выглядела несколько странно, и фон Строффе в который раз уныло подумал, что привыкать придётся ко многому. Двести лет есть двести лет, и то, что ты провел их в криобоксе и пронеслись они почти как единый миг, ничего не отменяют. Наоборот, контраст настолько резок, что, как говорят русские, «хоть святых выноси!».

На втором рядом с Лемке красовалась темноволосая и темноглазая девушка. Пара опиралась на продолговатый объёмистый предмет, в который Отто небрежно ткнул пальцем, невозмутимо заявив: «Там – ты!»

Однако снимки – снимками, а общаться Алексу приходилось с живыми людьми. И общение это с каждым днем доставляло ему всё меньше удовольствия.

Из маленького городка в предгорьях Альп, куда их с Райтом пригласил Лемке на предмет погостить у его родных, пришлось уносить ноги, причем максимально быстро. Стоило вездесущим журналистам пронюхать, куда именно отправились отдыхать члены команды «Дианы», как на ни в чем не повинных родственников и соседей Отто обрушился шквал назойливого любопытства. В сущности, единственное, что успел без спешки и нервотрепки сделать Алекс, это (по рекомендации Лемке) поставить свечи святому Варфоломею и святой Агате.

Дальше стало только хуже. Надежда на то, что нужно потерпеть совсем немного, и у репортёров найдётся другая цель для преследования, таяла на глазах. То ли год выдался неурожайным на сенсации, то ли возвращение «Дианы» стало сенсацией наиболее полновесной... чёрт их разберёт. Но куда бы ни приехали Алекс фон Строффе и Ричард Райт, единственные доступные для общения члены экипажа «Дианы», вокруг них немедленно начиналась свистопляска.

Журналистов вполне можно было понять: не каждый день на Землю возвращаются – живыми! – астронавты, более двухсот лет проводившие в гравитационной ловушке двойной звезды.

Правильнее всего было бы убраться с Земли и вообще с планет, но строительство нового корабля, заказанного Максом Заславским на Закате, затягивалось. И членам экипажа временно не существующего «Ревеля» ничего другого не оставалось, как только ждать.

В один из дней, когда Алекса уже совершенно перестали радовать белоснежный песок, бирюзовый океан и развесистые пальмы Гаити, он на полном серьёзе заявил Дику, что, если ещё хоть кто-то назовет его «ожившей историей, легендарным пилотом и любовником Ричарда Райта», этому кому-то крупно не поздоровится.

– Алекс! – укоризненно заметил Дик. – Ты бы перестал дёргаться, а? Может, тебе успокоительных каких-нибудь попить... для профилактики?

Ответить Алексу помешал стук в весьма символическую дверь занимаемого ими бунгало. Мстительно напомнив Райту, что теперь его очередь открывать, фон Строффе проследовал в спальню, улегся на живот и уткнулся лицом в скрещенные руки. К сожалению, долго пролежать спокойно ему не удалось. Негромкий, доброжелательно-непреклонный голос Дика сменился картинным женским визгом и истерическим воплем на испанском: «На помощь! Насилуют!»

Пилот скатился с легкой ротанговой кровати и кинулся к двери. Однако немедленно выяснилось, что его вмешательство не требуется. Когда подтягивающий на ходу трусы Алекс влетел в гостиную, дамочку в живописно разодранном саронге уже оттаскивал от дверей облаченный в шорты и рубашку с коротким рукавом мулат-полицейский.

Неизвестно, впрочем, что было хуже: затеянный дамочкой спектакль или многословные извинения копа, делавшего упор на то, что «putas[2 - Шлюхи (исп.).] окончательно с нарезки послетали... простите, сеньор Райт... мы тут стараемся оберегать покой наших гостей, но иногда такие вот прорываются... простите, сеньор фон Строффе... поверьте, мы уважаем ваше желание уединиться, и сделаем всё возможное, чтобы впредь вам и вашему партнеру никто не мешал!»

Фон Строффе закрыл дверь за говорливым стражем порядка и несколько секунд полюбовался на побагровевшее, перекошенное лицо Ричарда и его скрюченные пальцы, судорожно пытающиеся нащупать на поясе отсутствующий пистолет. Потом участливо улыбнулся и самым медовым тоном, на какой был способен, произнес:

– Неважно выглядишь, братан. Успокоительных бы тебе попить, а?

Так что вызов Заславского, сообщившего, что команда собирается и отбывает на Закат забирать готовый корабль, пришёлся весьма и весьма кстати. На тяжёлой планете с богомерзким климатом журналисты то ли отсутствовали как класс, то ли склонны были уважать нигде не прописанное, но свято соблюдаемое «право на одиночество».

Да и жители вели себя более чем корректно. Во всяком случае, Кондрат Вересов, с которым довелось познакомиться увязавшемуся за Аскеровым Алексу, в ответ

на представление ограничился костедробильным рукопожатием и уважительным гудением: «Наслышан, наслышан. Вы, ребята, молодцы». Вслед за чем снова погрузился в малопонятные непосвященному расчёты и выкладки.

Алекс даже немного заскучал, поскольку его скудные пока познания в русском языке позволяли понимать дай бог одно слово из трех в перенасыщенной специальными терминами скороговорке пожилого оружейника. Но тут с воплем «Дядя Кондрат, на минуточку!» к беседующим Вересову и Аскерову подлетел крепкий (чтобы не сказать массивный) светловолосый парень. В нём фон Строффе немедленно узнал того самого пилота, чей снимок показывал ему Лемке.

Предположение, что девушка по имени Агата тоже должна находиться где-то поблизости, немедленно подтвердилось. И Алекс, которого блондинки раздражали уже лет двести, со времен предательства Энджи Валлис, выскочившей замуж чуть ли не на следующий день после старта его корабля, решительно напросился в гости. Надо же и представиться по всей форме, в конце-то концов!

Глава 3. ...и другие официальные лица

– Я был не один. Нас было трое – я, Тульский и Токарев.

Народное творчество по мотивам криминальных историй, XX век

Хлопот оказалось неожиданно много. И то сказать: когда «Бистяра» впервые стартовал с Заката после приключений на Волге – и веселухи особой не ожидалось, и Агата ещё роль бортврача на себя не примеряла. Теперь же... о, теперь у нее в дополнение к деньгам имелись время и знания. Хорошее сочетание. Именно то, что требуется. Правда, времени было не так, чтобы очень много. День, в пределе – два. Но чего только не добьешься, обладая связями, безукоризненной деловой репутацией, четким представлением о том, что тебе нужно, и практически неограниченным кредитом!

Так что Агата развернулась на полную катушку. Саквояж корректировок не требовал: даже Виталий Погосян только уважительно покачал головой, когда бывшая студентка подсунула ему список содержимого на предмет критики и доброго совета. Но вот медблок...

Да, «Саркофаг» и медкапсулу заменили ещё на Земле. В «Саркофаге» покинула борт «Бистяры» Юлия Рокотова, в медкапсуле – Алекс фон Строффе. В принципе, вынырнувшего из прошлого пилота можно было извлечь и на подлете к Земле, но оба присутствующих на борту медика – Отто Лемке и Агата Ставрина – решили не рисковать. Недавняя гибернация... отстрел спасательной капсулы в предельно аварийном режиме... приключения хороши на страницах романа, а в жизни хорошо бы обойтись без них.

Так что новёхонькое оборудование с нулевой выработкой ресурса доставили на борт ещё в Свободном. Генерал Горин расстарался, за что ему большое человеческое спасибо. Кстати, присланные взамен модели были существенно круче тех, которые Агата нагло экспроприировала на Волге. В этом плане имперский стиль ей определённо нравился.

Но капсулы – капсулами, а в специализированных каталогах имелась куча всякого и разного, что она хотела иметь на борту корабля, за здоровье экипажа которого отвечала. Хотела – и могла себе позволить, дай бог здоровья Платине с его неистощимой энергией и желанием извлечь из любого рейса наибольшую прибыль.

Хотя дело тут было не только в энергии пилота. Агата прекрасно отдавала себе отчет в том, что друг и компаньон стремится переплюнуть её в деловых вопросах. Сама же и постаралась. Черт его знает, как дело повернётся. Не век же Кондовому за ее юбку держаться, жена – когда она у него будет – не поймёт. Хотя покамест с женой выходил полный облом.

Сам пилот никаких действий в данном направлении не предпринимал. А остальные... кто только ни пытался склеить из них с Платиной пару! Матушка его пыталась, Глафира Ставрина (и куда делись её рассуждения о том, что в жизнь приёмыша вмешиваться не будет!) пыталась, Марфа тоже... и чего это людям неймётся? Брат ей Варфоломей, брат, что непонятно?!

Ладно, всё это лирика. Ну, что тут у нас? М-да, похоже, Платина за год ни разу в медблок не заглядывал. С одной стороны, хорошо, раз не заглядывал – значит, и надобности не было. С другой же... Так, это заменить, это убрать вообще... как я только с таким набором летала? И даже полагала, что всё в порядке... Ларка, я тебе сейчас сброшу список, оплата с моего счёта, давай в темпе! Какой ещё вальс?! Чечётка, дорогая, исключительно чечётка, не позже чем завтра мне нужен полный комплект. Хорошо, хорошо, десять процентов за срочность – твои. Вперед и с песнями, жду!

День да ночь – сутки прочь, а потом... понеслась душа в рай! Коробки и пакеты, ящики и баллоны... так, угу, принято, принято... а это что такое? Лариса Дмитриевна, я сейчас буду ругаться. Непечатно. Пункт 6-1-9. Я что заказала? А твои орлы что привезли?! Уж сделай милость, разберись. Ну да, идиоты. Но это ТВОИ идиоты, я-то тут при чем? Ларчик, у меня мало времени, вылет завтра!

Варфоломеево: «Агата, принимай гостей!» прозвучало как нельзя кстати. Точнее, прозвучало бы. Потому что рядом с Платиной широко улыбался Алекс фон Строффе.

Они сидели в ресторане, и Агата никак не могла придумать, под каким бы предлогом сбежать. Чёрт бы побрал Платину с его: «Давай сюда свой список, я сам разберусь, а ты ступай, поужинай. Вот Алекс тебе компанию составит!» Составил, а как же. За тем и пришёл. Щиты, все щиты, какие можно и нельзя, только бы отгородиться от волн восхищения, исходящих от собеседника. Причем восхищение весьма, надо сказать, приземлённого свойства. Он что же, не знает? Лемке ему не сказал? Или сказал, но ему всё равно? Или сказал, и именно поэтому?..

Щиты, щиты, щиты! Она не хочет, не хочет знать правду, Господи, пожалуйста, ещё чуть-чуть, ну неужели же она не заслужила хоть самой малости... Какое чуть-чуть, девочка, опомнись, ты что, забыла? Забыла, кто ты – и кто он? Надо ему объяснить, надо быть честной...

– Вы меня совсем не слушаете, Агата?

– Простите, Алекс, я немного задумалась. Вы о чём-то спросили?

– Ну вот! – фон Строффе с шутливой укоризной развел руками. – Агата, я понимаю, что у вас перед предстоящим вылетом много хлопот, но надо же и отдыхать!

– Вы правы, Алекс, вы совершенно правы... так о чем вы спрашивали?

– Я спрашивал, как вы познакомились с майором Десницей?

Агата рассмеялась, изо всех сил стараясь, чтобы смех прозвучал естественно.

– Это длинная история, Алекс. Длинная и не слишком занимательная. И вообще, почему мы говорим только обо мне? А как же вы? Давайте поговорим о вас!

Фон Строффе нахмурился. Это выглядело бы довольно забавно, если бы не серьёзный, пристальный взгляд исподлобья.

– Знаете, Агата, я, конечно, отстал от жизни на добрых двести лет, но... вы не хотите разговаривать со мной? Согласились поужинать из вежливости? Я вам неприятен?

Агата Ставрина куда-то делась, как и Агата-Собеседница, и девушка вдруг с ужасом почувствовала, что напротив Алекса фон Строффе сидит сейчас Даша Филатова. И лет Даше Филатовой уж никак не больше пятнадцати. Благословение? Или проклятие?

– Вы? Вы неприятны мне?! Алекс, вы просто не понимаете!

– Верно, – кинул пилот, – я не понимаю. Так объясните мне. Пожалуйста.

Агата набрала полную грудь воздуха и внезапно успокоилась. Паника исчезла, уступив место решимости. Нечего пробовать воду пальцем, надо нырять. И она нырнула.

– Алекс, вам, быть может, известно, что девочки-подростки частенько влюбляются в совершенно недостижимых для них мужчин? В певцов, актеров, известных спортсменов, звезд разнообразных шоу... Объект влюбленности зачастую зависит от окружения. Так вот, в приюте, где я выросла, все поголовно

девчонки традиционно были влюблены в некоего Алекса фон Строффе.

– Что?! – опешивший Алекс подался вперед. – Вы... вы шутите?

– Даже и не думала, – грустно усмехнулась Агата. – Вы были для нас символом чего-то, что нам не полагалось просто по статусу. Мужчина, назвавший именем своей любимой звезду... и вот теперь я сижу за одним столом с этим мужчиной. Сижу, не имея на это никакого права.

Девушка мысленно ахнула, проклиная свой длинный язык, но было уже поздно. Уж с чем, с чем, а с реакцией у пилота Поискового флота проблем не было.

– Не имея права? Вам нужно право сидеть со мной за одним столом? С какой стати?!

Он не знает, подумала Агата, разглядывая замысловатую вышивку на скатерти. Действительно не знает. Да уж... ты, кажется, хотела быть честной? Будь.

– «Добрый дом» был небольшим приютом. Как, впрочем, и остальные – на Волге все детские приюты находятся... то есть находились в частных руках. И тринадцать лет назад пятеро девчонок вышли из него в большой мир. Они не строили иллюзий – или им так казалось, – но были твердо намерены переиграть Судьбу. На её же поле, да. Конечно, контракт обязывал их компенсировать стоимость содержания в приюте, но контракты для того и существуют, чтобы выполнять их требования, не так ли?

Агата подняла глаза на собеседника. Алекс, весь внимание, спокойно смотрел на нее, ожидая продолжения.

– В общем, девчонки взялись за дело. Год спустя Елена Морозова покончила с собой, приняв терминальную дозу «Красного хрусталя». Ещё через пару лет Екатерина Соловьева попала под трактор, которым управлял пьяный фермер, чьих коров она доила. Мужика даже не судили – с чего бы вдруг? Кому интересна жалкая батрачка? Татьяна Ремизова попалась на магазинной краже, получила три года каторги, но не продержалась и одного. Сама она умерла или помогли... кто знает? Валерия Мелихова истекла кровью: неправильно подобрала препарат для прерывания беременности. Контракт, Алекс, запрещал рожать детей, штрафные санкции были предусмотрены такие, что о выплате

положенного в какой-то осмысленный срок можно было забыть, а деньги на качественные контрацептивы или хорошего врача... откуда бы им взяться?

Алекс молчал. По выражению его лица Агате никак не удавалось определить, как он относится к услышанному, а сбрасывать щиты она не хотела. Не могла она их сбросить.

– Дарья Филатова... Даше повезло. Ее взяла под свое крылышко Мама Зоя. Ну как – взяла? Объяснила отельной горняшке, что либо она отправляется на всё ту же каторгу за то, чего не делала, либо поступает к Маме Зое в штат. Именно Мама Зоя назвала Дашу – Агатой. Не судите девочку слишком строго, Алекс, она была молода и очень боялась каторги...

Лежащие на столе руки фон Строффе медленно сжались в кулаки.

– Судить? Агата, вы давеча что-то говорили о правах... по-вашему, у меня есть право судить? Судить ВАС?!

Он всё ещё не понял. Ну что ж...

– Алекс, вы ведь взрослый человек! Я должна вам объяснять, представительницы КАКОЙ профессии называют своих работодательниц – своих хозяек! – «мамами»?! Десять лет, Алекс. Я проработала на Маму Зою десять лет. Шесть – чтобы выплатить контракт, четыре – чтобы заработать на учебу. Агата-Собеседница, так меня называли. Поправить настроение, вывести из депрессии, придать уверенности в себе... такая вот специализация. Старая сука берегла меня, под кого попало не подкладывала, сильные эмпатки на дороге не валяются и стоят ой как дорого, но сути дела это не меняет. Вы интересовались, как я познакомилась с командиром? Он снял меня в баре отеля в ночь налёта лестиан на Волгу. Расплатиться, правда, не успел... и трахнуть не успел тоже. Там такое началось, что я до сих пор в толк не возьму: как мы все живы-то остались?

Она помолчала и закончила с кривой усмешкой:

– Простите, мне следовало рассказать вам всё до того, как мы пришли сюда. Да что там, я должна была отказаться от вашего приглашения, а ещё лучше – сделать так, чтобы оно вовсе не прозвучало. Поверьте, вы даже не заметили бы

ничего. И не стояли бы сейчас перед выбором: быть вежливым или быть честным. Но Даша... ей до смерти хотелось поужинать с мужчиной, гибель которого она так долго оплакивала. Давно. Очень давно. В прошлой жизни. Я не смогла ей отказать. Ещё раз простите. И прощайте.

Агата встала из-за стола и пошла к выходу из ресторана. Пошла, не оглядываясь, чтобы не видеть статуи, в которую превратился Алекс фон Строффе.

Надежда Кондовая отвернулась от плиты, на которой собиралось вскипеть, но всё никак не вскипало какао. Растворимые напитки – чушь и профанация, какао надо варить! Женщина вздохнула, поправила выбившуюся из прически то ли светлую, то ли седую прядь и в упор посмотрела на сына.

Варфоломей сгорбился у стола, вертя в пальцах ложечку. Вот ведь... весь из себя взрослый, самостоятельный, пилот, совладелец преуспевающего предприятия... а как припекло – к кому прибежал за полночь? Что ж, всё правильно, к кому и бежать...

– Это очень хорошо, Варфоломей.

– Что «хорошо»?! Видела бы ты, как она рыдала, еле успокоил! Сроду такого не было, она на моей памяти только раз всплакнула – когда старого рекна хоронили. И то, по-моему, больше за компанию с Ардо...

– Хорошо, что Агата ещё может плакать. Я, признаться, боялась, что нет, слишком привыкла она носить всё в себе и быть сильной. Слезы не признак слабости, но так считают далеко не все... и очень часто тому, кто не скрывает слёз, приходится выдерживать больший прессинг, чем тем, кто скрывает. А твою названую сестру прессовали по полной все кому не лень. И хорошо, кстати, что она, совершенно не умея строить отношения с мужчиной, всё сделала правильно. Инстинктивно, должно быть. Будь она моей дочерью, я бы гордилась.

Платине хотелось вскочить и заорать. Очень хотелось. Невыносимо. Вместо этого он положил ложку на стол, подчеркнуто медленно поднялся на ноги и снял с плиты кастрюльку. Налил себе какао, снова уселся и только потом заговорил, изо всех сил стараясь не подпустить в голос яду.

– Ты меня извини, мам. Я, конечно, понимаю, что у женщин есть женская логика, а у мужчин и вовсе никакой... только где ж ты в действиях Агаты «правильность» разглядела? Сама ведь повторяешь частенько: мужу-псу не выкладывай правду всю.

Надежда вздохнула, подошла к сыну и ласково взъерошила волосы на затылке. В неё пошел парень, от отца разве что нос, а так – копия, не открестись. Ещё бы рассуждать уметь, но в одном двух не бывает, увы.

– Видишь ли... Если Агата небезразлична Алексу фон Строффе, а он небезразличен ей, пусть даже просто как человек – ну не верю я в детскую романтику! – необходимо играть в открытую. Её биография всплыла бы рано или поздно, и хорошо, что он услышал правду от неё самой. Потому что правда бывает очень разной, в зависимости от того, кто, когда и при каких обстоятельствах её излагает. Между прочим, ты не задумывался, за каким чертом Агате понадобилось шунтирование? Почему бы ей просто не учиться, как все? А я тебе скажу. Она боится. Боится, что если не вывернется наизнанку, если не будет самой лучшей, успешной, незаменимой, самой-самой – причём быстро, – то не сможет быть достаточно полезной, в частности, вам с майором. И вы её бросите.

– Что-о?!!

– Что слышал. Не знаю, правда, отдаёт ли она себе отчёт в этом страхе. И есть ещё один страх. Страх, что, узнав правду о прошлом Агаты, люди отвернутся от неё. Здесь, на Закате, где во главу угла ставится способность выживать, она не могла проверить свои предположения. Жива? Умница. Как ухитрилась? Без разницы. Всё равно молодчина. Но Закат – это далеко не весь мир. И сегодня она посмотрела в лицо своему страху, рассказав этому молодому человеку, каким образом выжила. Как он, к слову сказать, отреагировал?

– Агата говорит – окаменел, – проворчал Варфоломей.

– Ну, это естественно. А потом?

– Потом она ушла.

– А вот это – зря. Ну да ладно. Что-то мне подсказывает, что, когда господин фон Строффе переварит информацию, эффект будет совсем не тот, какого ожидает Агата. Хотя... знаешь, я могу предполагать, чего она ожидает от этого парня, но даже близко не подберусь к тому, чего она ожидает от себя. Она и сама-то ещё к этому не подобралась, по-моему.

– Ты идиот, братан. Спорить будешь?

В голове Алекса фон Строффе было пусто и гулко. Очень хотелось пить. А вот вести серьёзные разговоры не хотелось совершенно. И встал он напрасно, не стоило этого делать. Вот только лежать, уставившись в потолок, тоже уже никаких сил не было.

– Эээ... глубокая мысль. И чем вызвана, хотелось бы узнать... до того, как выдвигать контраргументы, – попробовал Алекс смягчить ситуацию. Ведь далеко не каждый день человек, с которым столько всего пройдено, вламывается к тебе в каюту со столь безапелляционным заявлением.

– Чем вызвана? – Ричард Райт прошел внутрь, дошагал до стола и оперся на него той частью тела, которая уже не спина, но ещё не ноги. – Да как минимум тем, что я имею неудовольствие опять наблюдать твою рожу в состоянии немаленькой задумчивости. И дело вовсе даже не в похмелье. Или не только в нём. Давай-ка начистоту – лирика по голове проехала?

– В каком смысле? – на всякий случай пилот решил «включить дурака», по крайней мере, до тех пор, пока не выяснит, что именно не нравится другу.

– Да в прямом, – Райт достал из кармана пачку сигарет, закурил, выпустив клуб дыма в потолок. – Ты вчера с докторшей пообщался, да? И именно после этого явился на борт с литровой бутылкой вискаря, уже ополовиненной. Стало быть, она тебя отшила. А учитывая, какой ты у нас милашка и обаяшка, то тебя не просто отшили. Тебе сообщили, что ты прелесть, но ничего не получится. Я прав?

– Нет! – выпалил фон Строффе и тут же пожалел об этом. Собственный вопль ввинтился в мозг раскалённым сверлом. – Ни хрена ты не прав, и с чего ты вообще это взял?

– Бутылка – вон стоит, – обстоятельно начал Райт. – И раз в ней не хватает чуть больше половины, значит, эту половину ты выпил снаружи. Внутри ты пить в одиночку не стал бы, а пока шёл до борта, под шаг, мог выхлестать только в путь. Между прочим, я тебе даже могу сказать, откуда ты шёл – поскольку скорость твоего питья мне ещё с Патруля известна. И вряд ли что-то изменилось за последние двести с небольшим лет.

Навигатор невесело хохотнул и продолжил:

– А поскольку надраться ты мог исключительно по причине неудавшейся лирики, а интересовался крайнее время только докторшей Агатой, то всё с тобой ясно.

– Дик, а тебе не кажется, что ты суешь нос в мою жизнь? В мою личную жизнь, которая тебя никак не касается! И не имеешь на это никакого права, черт побери!

– Да ну? – в голосе Райта отчётливо доминировали нотки издевки. – Не касается? В прошлый раз твоя личная жизнь, которая «никого не касается», нас на двести лет в ловушку загнала! Не знаю, как у тебя, а у меня до сих пор каждый позвонок и все ребра болят от такого «никого не касается!».

– А вот это, мистер Райт, с вашей стороны подлость! – голос пилота звенел, как струна. Намёк на попытку срубить кучу призовых, дабы быть достойным такой чудесной невесты, как мисс Валлис, что и привело к двухвековому пребыванию в заморозке, никакого удовольствия Алексу не доставил. – Будьте любезны немедленно извиниться, в противном случае разговор закончен.

– А пошел бы ты, мистер фон Строффе... в холодный душ. Остынешь – так, глядишь, с тобой разговаривать можно будет. А то влюбленному мудаку что-либо втолковывать – абсолютно бесполезное занятие, – парировал навигатор.

– Что-о?! – взревел фон Строффе и рванулся в сторону собеседника. Зря, кстати, рванулся, потому что, несмотря на хорошую подготовку, ничего ему в рукопашной против Райта не светило. Ни двести лет назад, ни сейчас. Что и подтвердилось в следующее мгновение – пока Алекс набирал скорость, Дик просто сместился чуть левее линии атаки и встретил друга качественным крюком под дых.

Результат был закономерен. Пилот оказался на полу, задыхающийся, но уже не такой взбешенный. А навигатор опять занял прежнюю позицию и продолжил говорить как ни в чем не бывало.

– Так вот, братан, ты идиот. С чего я, собственно, и начал. Ты ещё не перерос миропонимание типа «я полетаю, а она подождёт»? Так, к слову, докторша ведь тоже член экипажа. Другого корабля, что характерно. И что должно было произойти в том случае, если бы ты всё же получил взаимность своих претензий? Очередная романтическая история? Нам не нужен ещё один медик. Второй пилот на «Твари» тоже не нужен, там и одного-то много. Или ты бы списался с корабля на грунт? Не списался бы, и мы оба это прекрасно знаем. Ты только что прожил год на грунте. Тебе, если я ничего не путаю, не понравилось. И нет никаких оснований предполагать, что хоть что-то изменилось. А ей что следовало бы сделать? Ждать тебя? Где, зачем и, самое главное, с какой стати?

Райт глубоко затянулся, неспешно выпустил дым куда-то поверх головы фон Строффе и продолжил со всё той же, бесящей Алекса, обстоятельностью:

– Стало быть, в случае, если на твои притязания отвечают взаимностью – ты в заднице. Но, до кучи, это ещё не всё. Ты не задумывался, что она просто не для тебя? Когда ты решишь, что пришла пора осемейниться и списаться – найди себе ту, для которой ты будешь всем. То есть и мужчиной, и учителем, и смыслом. Не надо западать на женщин, для которых ты таковыми не являешься. Поскольку характер у тебя не тот, Алекс, совершенно не тот. Она, доктор Агата, в некоторых вопросах гораздо сильнее тебя, имел я возможность с ней пообщаться, пока со Статуса летели, а ты в отрубе валялся. И переварит тебя эта, не спорю, милая женщина, со всеми твоими костями, потрохами и душевными терзаниями, если это ей будет нужно, в любой момент. Парень, пойми, она мне нравится, и я благодарен ей за тушку твою непутёвую; я сейчас не против госпожи Ставриной, я – за тебя. Кто ты для неё? Легенда из прошлого? Парняга-симпатяга из дружественного экипажа? Не парь мозги, братан, ни себе, ни ей. Нет, не хочу и не пойду, я ещё не закончил, помолчи и послушай. Ты – это один расклад, докторша – совершенно другой. Она не способна смотреть на тебя, как на ВСЁ, понимаешь? По определению не способна. И никогда ВСЕМ ты для неё не будешь. Потому что ей не нужен мужик, который был бы для неё всем, просто не нужен. Эта дама самодостаточна, как петля Мёбиуса, – Ричард фыркнул, закурил ещё одну сигарету, стряхивая пепел на пол, и веско закончил:

– И будешь ты, мистер пилот, либо душу себе рвать на лоскутки-тряпочки в очередном рейсе (а это крайне плохо заканчивается), либо пить запоем. Что ничем не лучше. Поэтому, братан, ты – И-ДИ-ОТ! Понял теперь?

– Чо ты в политики не пошёл, Дик? – хмуро осведомился фон Строффе, поднимаясь на ноги и поправляя комбинезон. – Из тебя получился бы прекрасный оратор. Вещаешь, как с экрана. Зачем? Чего ты хочешь добиться?

– Да только того, чтоб у тебя не фестиваль «играй, гормон» в голове царил, а мысли. Логика. Сила того самого Алекса фон Строффе, за которым я в своё время и пошел. Понял?

– Нет, – всё так же хмуро отрезал пилот. – И вообще, Райт, иди отсюда. Мне подумать надо и выспаться. Или проспаться. В общем, потом договорим, при случае.

Ричард Райт тяжело вздохнул, покачал головой, открыл бутылку с виски, стоявшую на столе, бросил в нее свою недокурную сигарету и вышел. Черт с ним, с Алексом, хочет маяться – пускай маятся. Только лучше пускай маятся на трезвую голову, романтик хренов.

И когда проспавшийся-таки Алекс фон Строффе вознамерился нанести ещё один визит дружественному экипажу, но обнаружил только пустой посадочный квадрат, Дик даже не подумал делать вид, что огорчился.

До орбиты Заката «Бистяра» добрался без приключений. Да, конечно, пока корабль поднимался, Варфоломею было не до разговоров: смена сезонов давала атмосферные эффекты настолько опасные, что отвлечься хотя бы на секунду означало в лучшем случае потерять скорость. В худшем же... а командир (охренеть!) собирался садиться сам! Он бы ещё взлететь сам попробовал – на своём птенчике! Конечно, у «птенчика» было теперь целых два «сердца», и оба – «Жар-Птицы», не что-нибудь. Но реакторы – реакторами, а курсовая устойчивость разговор отдельный. Да и пилот из командира... эх, не будем о грустном.

Надо, однако, отдать должное Семьям Вересовых и Лихаревых – яхточка получилась даже и по закатским меркам вполне приличная. Особенно ежели

сроки учитывать. Впрочем, для того денежки и придуманы, чего уж там.

Хотя далеко не всё и далеко не всегда решается деньгами. К примеру, задержка с постройкой нового «Ревеля» была обусловлена не столько ограниченностью Заславского в средствах, сколько политической обстановкой. Что средства? Весьма оправдавшие себя за пару сотен лет вложения Алекса фон Строффе и Ричарда Райта, которые те недрогнувшей рукой бросили в общий котел, финансовую проблему сводили к нулю. Но чтобы выполнить безапелляционные требования Аскерова по части оборудования, закатским верфям пришлось изрядно покрутиться.

Спускать лестиянам захват нескольких планет Человечество совершенно не собиралось. А имперские двигательные установки считались лучшими не только с точки зрения Леона и обнаглевшего ИскИна. Так что получение новых движков в то время, когда всё, что не использовалось собственным флотом, уходило по договорам союзникам, было задачей нетривиальной.

Справиться – справились, конечно, но времени ушло куда больше, чем предполагалось изначально. Хотя в итоге получилась сушая конфетка. Чего стоило только оборудование невидимости, срисованное мастерами Заката с «Бистяры».

На яхте его, кстати, установить не удалось, пришлось выбирать между оружием и маскировкой. И выбор был сделан в пользу активной безопасности, пассивную же принесли в жертву. А что делать?

Броню менять полностью не стали – время поджимало. Но второй слой натянули, что в сочетании с дополнительными ребрами жесткости увеличило живучесть процентов на тридцать.

Орудийные системы подключили к реакторам и работать они должны – вернее, будут – как часы. Разумеется, задекларированы и «Плеть», и «Кулак», и «Гром» со «Слезями» были исключительно как противометеоритное оборудование – ну так на то и «Кокон».

Называли эту информационную подставу везде по-разному. Где-то попросту «дурилкой», где-то – высокопарно – «покрывалом», но суть была одна.

Уже давно определение характеристик корабля было исключительно аппаратным. На входе в обитаемую систему любой борт получал автоматический запрос систем слежения и автоматически же на него отвечал. Вот тут-то и наступал черед подключаемого по личной команде командира «кокона». И тупая автоматика – а где взять время на подготовку спецов-людей и средства на их содержание? – принимала и обрабатывала информацию о прибытии мирного гражданского судна. Снабженного пресловутыми «противометеоритными орудиями» в количестве, кратном, как правило, двум. Верхней и нижней полусферы.

Поделки большинства Вольных Миров могли обмануть разве что гражданские службы космопортов. Впрочем, в подавляющем большинстве ситуаций хватало и этого, потому что судебно-вменяемые владельцы кораблей с космопортами не воевали. Сработанные в Империи «дурилки» вводили в заблуждение уже станции системной защиты. Закатские «коканы» легко и непринужденно сбивали с толку даже имперские крейсера. Просто так. На всякий случай. Воевать с империей никто не собирался, но... но.

Паранойя изначально была и до сих пор оставалась не болезнью Заката, а общепринятым образом мыслей и действий, поэтому «коканы» штатно ставились на все корабли. Береженого и Бог бережет. Мало ли что?

А уж Дмитрию-то Деснице поставили наилучший вариант из всех возможных, такой же, какой имелся на «Sunset Beast». И денег запросили самую малость: себестоимость, не более. Кондрат Вересов на память покамест не жаловался, даже и не думая забывать, кто выдернул его с захваченной Волги.

В общем, с точки зрения состояния яхты, в данный момент надежно запертой в трюме, всё было путем. А вот что касается настроения командира...

– Отца убили, – глухо проговорил Десница, когда управляемый автопилотом «Бистяра» неторопливо и плавно набирал инерцию перед входом в гипертуннель. – Сомнений никаких. И предположений, кто конкретно подсунул ему «лекарство» – тоже. Но вот почему это было сделано, я себе плюс-минус представляю. А когда знаешь – «почему», уже несколько проще ответить на вопросы «где?» и, соответственно, «куда?».

– И куда же? – Платина предпочитал по большей части помалкивать, но сейчас ему нужно было считать курс.

– Триангл. Знаешь, где это? – командир по-прежнему глядел прямо перед собой.

– Найдём, делов-то. Агать, сваргань кофейку.

Девушка кивнула, выскользнула из рубки и вскоре вернулась с тремя стаканчиками. Всё было почти как при первом старте на Волге, разве что сестрёнка явно ещё не отошла после неудачного свидания. Ничего, срастётся. Перемелется – мука будет. А Алексу фон Строффе Платина ещё рёбра пересчитает при случае. Обязательно пересчитает. Чтобы не расстраивал.

Ладно, будет день – будет хлеб, а сейчас надо понять, как и куда прыгать. Чёрт, далековато. «Бистяра», конечно, лапочка, но одним прыжком всё-таки не вытянет. А вот двумя – с нашим вам удовольствием.

Тем временем командир продолжал:

– На Триангле будем искать концы, конкретно – выходы на некую корпорацию «Vitae Serve». Есть, знаете ли, такое богоугодное заведение – картель Бесара...

Слева от Варфоломея произошло некоторое шевеление: Агата явно услышала что-то весьма для себя интересное. Рассеянность уступила место напряженной сосредоточенности, и Десница тут же среагировал:

– Что?

Девушка сменила позу, проделала малопонятную манипуляцию с комбинезоном, отчего он мгновенно стал выглядеть втрое лучше, чем минуту назад, и слегка прищурилась.

– Дим, ты помнишь наш разговор на Оймяконе? О клинике на острове и ее бельмастом пациенте?

– Помню, – кивнул он. – А какая связь?

– Прямая. Этот самый пациент как-то раз, расслабившись и разговорившись, картель Бесара помянул незлым тихим словом, да так, что у меня и уши повяли.

Десница закинул руки за голову и на несколько секунд застыл неподвижно. Потом, видимо, мыслительный процесс потребовал более активных действий. А поскольку разгонялся Платина действительно без всякой спешки и гравикомпенсаторы работали в штатном режиме, то ничто не помешало майору подняться на ноги и сделать несколько кругов по рубке. Точнее, не кругов, а полукружий, за спинками второго ряда ложементов.

Придя к какому-то выводу, командир снова плюхнулся в свое кресло, но вместо того, чтобы пялиться в пространство, развернулся лицом к Агате.

– Почему-то я даже не сомневался, что деловые интересы твоего пациента и картеля не могли не пересечься.

Имени оба упорно не называли, но Платину это не смущало. Пациент так пациент.

– Интересы именно пересеклись, Дима. Пациенту весьма настойчиво предложили войти в состав картеля, но он отказался.

– Да что ты говоришь? – с весёлой злостью, весьма обрадовавшей Варфоломея, удивился Десница. – Отказался?! Интересно – как?! Знаешь, красавица, вообще-то картелю Бесара не отказывают.

– За что купила, – фыркнула в ответ Агата. – Пациент сказал, что он уже слишком большой мальчик, чтобы под чужим дядей ходить. И хотя отказ стоил ему немало крови, нервов и денег, в конце концов в картеле поняли, что дешевле не связываться.

– А вот в это, пожалуй, верю, – с непонятым Платине удовольствием кивнул командир. – Что ж... не то чтобы мне нравился старый мерзавец, но за такое, пожалуй, можно и уважать. Да, ну так вот...

Дмитрий помедлил, собираясь с мыслями.

– «Vitae Serve» – дочернее предприятие картеля. Чем только ни занимаются, в частности, таким, что волосы дыбом даже у меня, а уж я-то навидался. Короче, месяца три назад один занятный персонаж притаранил бате психоматрицы. Знаете, о чем речь?

Платина только пожал плечами, а вот Агате, по его наблюдениям, слово «психоматрицы» сказало если не всё, то очень многое.

– С Триангла притаранил?

– Напрямую от «Vitae Serve». Притаранил, а потом попробовал разобраться самостоятельно – чем-то они ему насолить успели, отец не говорил, а я не спрашивал – и пропал. Предположительно на Триангле. Поэтому, кстати, запомните имена: Игорь Соловьёв; Рикардо Альтез; Майкл Скол. Последним он вряд ли воспользуется, но чем чёрт не шутит. В общем, если в поле вашего зрения попадёт человек с таким именем или информация о нём, не хлопайте ушами. Он мне – нам – очень нужен. Ясно?

Разгон. Прыжок. Торможение. Разгон. Прыжок. Торможение. Платина по просьбе Димы скорректировал курс таким образом, чтобы войти в систему, которой принадлежал Триангл, за орбитами всех планет.

И там, в черной пустоте, яхта была выгружена из трюма и отправлена в свободный полет. Все системы пребывали в спящем режиме, однако готовы были проснуться по командирскому запросу и предоставить удаленный доступ к управлению.

Код запроса по требованию Десницы Агата и Платина вызубрили наизусть: коммуникатор штука не вполне надежная. Из головы постороннему сведения достать сложнее на несколько порядков. И это ещё если знать, что искать.

– Не стоит складывать все яйца в одну корзину. Вдруг да понадобится второй борт? – завершил майор инструктаж и до самой орбиты Триангла напялил на голову коннект-шлем.

С кем он общался, что искал и нашёл ли, командир не говорил, а экипаж предпочёл прикрутить любопытство. Платина отсыпался, Агата же закопалась в путеводители. Туризм – предложенная Дмитрием официальная причина посещения планеты – легенда слабенькая, хотя для обывателей сойдёт. Но даже такая легенда требует хоть какого-то обеспечения. И посещая планету «с туристическими целями», не худо бы представлять, чем, собственно, собрался любоваться.

Если уж говорить о любовании, Агата с огромным интересом поглядела бы на то, во что превратилась Волга. Что-то там наворотили за год захватчики? Да и далеко не все из оставшихся на планете людей проходили в её личном реестре по разряду «сволочей».

Увы. Отбивать у лестиан Волгу не спешили. Система была намертво заблокирована имперским флотом, в неё не допускался и из неё не выпускался ни один корабль. Однако этим и ограничились.

Похоже, в Империи решили, что раз уж лестиане выполнили чужую, в сущности, работу по снятию точки напряжения – пусть живут пока. Есть задачи более важные. Политики, мать их так...

Глава 4. Вам потребуется адвокат, сударь!

– Не «сделай или умри», это глупость. Мёртвый солдат задачи не выполнит. «Умри, но сделай», вот как работают у нас!

Полковник Киселёв А. В., XXI век

«У каждого – свой вкус, – как сказал чёрт, садясь в крапиву сняв штаны». Эту присказку Анатолий Трейси слышал ещё в школе, но не раз убеждался в справедливости данного утверждения. Вкус у каждого, действительно, свой, и бессмысленно пытаться его изменить. То есть попытаться-то можно, но, как правило, это плохо заканчивается и для того, кто пытается, и для того, на кого направлены попытки. Правда, в жизни сходит с рук и не такое – ну так на то она и жизнь...

Философские размышления Трейси были прерваны дрожью тройного остекления выходящей на взлетное поле стены небольшого кафетерия, в котором он наслаждался горячим шоколадом. Удивительное дело, порой по-настоящему вкусную еду можно попробовать в самых непрезентабельных забегаловках! Анатолий не был гурманом и, уж конечно, не стал бы специально приезжать в космопорт ради чашки шоколада, но всякий раз, когда оказывался там по делам, не мог отказать себе в удовольствии.

Впрочем, этот его приезд с делами не был связан никак. Сегодня Трейси провожал приятельницу. Именно старт её стратоплана заставил задрезать лежащую на блюде ложечку. Анатолий улыбнулся, отхлебнул воды со льдом из высокого квадратного стакана и рассеянно огляделся по сторонам. Кафетерий в космопорте привлекал его не только шоколадом. Здесь можно было встретить самых разных людей. А наблюдать за людьми Трейси любил и умел. Помимо того, что подобные наблюдения были необходимы для работы, ему это просто нравилось.

Сейчас, к примеру, его внимание привлекли три человека, вошедшие в зал со стороны поля и расположившиеся треугольником на высоких табуретах за круглым столиком на тонкой ажурной ножке. В этот ранний час народу в зале было немного, и ничто не мешало Анатолию рассматривать занятную троицу.

Человек весьма опытный и много повидавший, Трейси никак не мог понять, что могло свести вместе этих людей. А если Анатолий Трейси чего-то не понимал, он обычно не успокаивался, пока всё не вставало на свои места. Что ж, это вполне естественно, такая уж у него работа.

Лицом к нему сидела дама, которой было лет двадцать пять, а может быть, и здорово за сорок. Некоторым женщинам удастся такой фокус, и незнакомке определённо повезло с генами. На её лице ярко выделялись глаза, такие серые, что почти синие. Серебристая патина на коротко стриженных тёмных волосах вполне могла быть работой дорогого парикмахера, но говорила скорее о нескольких месяцах, проведённых под защитой силовых полей. Это предположение косвенно подтверждал золотистый тон кожи, не слишком сочетавшийся с глазами и волосами, и чересчур ровный, чтобы быть натуральным. Искусственная инсоляция, несомненно.

У ног женщины, помимо небольшой дорожной сумки (Трейси с удовольствием отметил хороший вкус, подкреплённый хорошими деньгами) стоял

металлопластовый ранец. Ярко-красная нашивка на нём – обшившая чашу крылатая змея – яснее ясного говорила о профессиональной принадлежности хозяйки ранца. Вот только Анатолий готов был поклясться, что врачом эта дама стала совсем недавно, и медицина не основная её профессия. Какая основная? А чёрт её знает...

Светловолосый крепыш в лётном комбинезоне, выглядевший ровесником дамы (если брать за отправную точку двадцать пять), являл собой типичный пример «звёздного бродяги»: хоть в ток-шоу выставляй, хоть на любой транспорт засовывай. Его кожа была более естественного оттенка, должно быть, он чаще оказывался на открытом воздухе – или, напротив, в замкнутом пространстве корабля. Явный выходец с тяжёлой планеты, мускулистый, обманчиво неуклюжий, он был громогласен и бодр, демонстрировал отменный аппетит и хохотал по поводу и без.

По идее, подобное поведение сотрапезника должно было раздражать женщину, в которой чувствовалась некая утонченность, но почему-то не раздражало. Она с улыбкой посматривала на блондина и, кажется, получала уйму положительных эмоций от бьющей через край жизнерадостности парня. Что же касается третьего...

Трейси задумчиво прищурился. Мужчину в неброской, практичной одежде он едва разглядел, а теперь тот сидел почти спиной к Анатолию. Лет ему было около пятидесяти, причём скорее «за», чем «под» – либо же его изрядно потрепала жизнь – и жёсткие тёмные волосы уже пронизали заметные росчерки седины. Разворот плеч, короткая уставная стрижка, манера двигаться – всё выдавало в нём военного, более того – офицера, и в компанию он не вписывался категорически. Не вписывался – но, тем не менее, принадлежал к ней.

Именно ему предназначались серьёзные, благожелательные взгляды врача и старательные попытки пилота развеселить и обнадежить. Трейси был уверен, что не ошибается, хотя и не понимал ни слова из доносящихся до него возгласов летуна: язык был ему незнаком. Анатолий мог только предполагать, что это какой-то из славянских.

Но если мужчины, по всей видимости, действительно были славянами, то женщина не несла в себе никаких ярко выраженных национальных черт. Гражданка мира во всей своей красе. Что она делает здесь? Что все они здесь делают?

Каждый из этих троих был интересен сам по себе. Каждый прекрасно сочетался с одним из оставшихся двух – по отдельности. Врач и пилот. Военный и пилот. Даже врач и военный. Но все трое... Трейси не мог понять, какой взбрык судьбы сделал из этих людей команду – а в том, что речь шла именно о команде, сомневаться не приходилось. Чего только ни случается на свете!

Внезапно Анатолий понял, что смотрит прямо в темные глаза женщины. А секунду спустя она, не сводя с него взгляда, что-то сказала своим спутникам, и они синхронно развернулись на табуретах. Пилот глядел на Трейси с любопытством, в холодном прищуре офицера сквозила угроза.

Анатолий дружелюбно улыбнулся, поднялся из-за стола и направился к так заинтриговавшим его людям. Раз уж его интерес замечен, следует представиться, этого требует простая вежливость. А, кроме того, он почему-то был уверен, что, если знакомство завяжется, оно может стать весьма и весьма примечательным.

Платине хотелось раздвоиться: с его места было почти невозможно одновременно наблюдать за приближающимся мужчиной и реакцией Агаты. Впрочем, расширившиеся было зрачки сестрёнки очень быстро вернулись к нормальному размеру, а плечи расслабились. Стало быть, явной опасности незнакомец не представлял, и можно было смотреть только на него.

Варфоломей Кондовый, в принципе, не был завистливым человеком. Однако существовали люди, чьим способностям он завидовал, и подошедший к столику тип был именно из таких. Ну как, как он ухитряется с самого утра быть в костюме и при галстукe и чувствовать себя вполне комфортно? Сам Платина надевал костюм только на переговоры, да и то исключительно по настоянию Агаты. Особенно скверно он чувствовал себя, если в процессе деловой беседы подавались напитки и закуски: вот ни разу, ни единого разу не удалось сохранить пиджак чистым! То ли дело комбинезон!

А худощавый шатен с жёсткими, рублеными чертами лица завтракал – Варфоломей это заметил – чем-то тёмно-коричневым и тягучим и, тем не менее, на голубом пиджаке и белоснежной сорочке не наблюдалось ни пятнышка. Да уж... что умеет, то умеет.

Между тем незнакомец дошёл до их столика и заговорил на интересном глубоком, хорошо поставленном баритоном:

– Добрый день, мисс, господа... прошу извинить меня за назойливое внимание к вашим персонам, но моя профессия делает наблюдение за людьми необходимостью.

– Вы – актёр? – приподняла бровь Агата.

– И это в том числе, – усмехнулся мужчина. В его правой руке как по волшебству возникла старомодная (и очень дорогая, настоящая картонная!) визитная карточка, которую он протянул девушке.

– Трейси и Вильсон, юридическое сопровождение. Анатолий Трейси, адвокат, – прочитала она вслух. – Вы правы, мистер Трейси, хороший адвокат просто обязан быть актёром – и наблюдать за людьми. Меня зовут Агата Ставрина.

– Доктор Ставрина? – уточнил, улыбаясь, адвокат. Подбежавший официант уже приставил к столику ещё один табурет, и мужчина, пробормотав: «Вы разрешите?», и получив в ответ легкий кивок Агаты, присоединился к ним. Ещё через несколько секунд с его столика перенесли шоколад и стакан с водой и новый знакомый мог продолжать беседу, не отрываясь от завтрака.

– Доктор Ставрина, – подтвердила девушка. – А это мои друзья: мистер Кондовый...

Рукопожатие нового знакомого оказалось весьма крепким. Платина не отказал себе в удовольствии сжать ладонь посильнее, но мужик даже не поморщился, только весело блеснул серо-зелёными глазами.

– ...и мистер Десница.

Командир ограничился кивком, впрочем, Трейси и не протягивал руку Диме. Это ему в плюс, соображает.

Между тем Агата, явно довольная тем, как идут дела – чем этот красавец ей приглянулся, интересно? Ну не тем же, что красавец? – продолжила беседу, не

обращая специального внимания на насупившегося майора.

– А если не секрет, мистер Трейси, чем мы привлекли ваше... гм... «назойливое внимание»? Именно мы?

Тот слегка пожал плечами.

– Ваша компания показалась мне несколько... пёстрой, что ли? Слишком пёстрой для единомышленников и даже, не побоюсь этого слова, соратников. И всё же вы – соратники.

– Так и есть. Мы трое владеем на паях небольшой торговой фирмой. Совсем небольшой: один корабль, один экипаж. Я совмещаю обязанности бортового врача и суперкарго, мистер Кондовый – пилот всегда и торговый представитель в течение последнего года, а мистер Десница осуществляет общее руководство и отвечает за безопасность.

– Вот как? А какими судьбами к нам, на Триангл? Боюсь, что конкуренция здесь довольно велика и...

– Мои компаньоны решили, что после года напряженной учебы и защиты диплома мне следует отдохнуть и немного развеяться, а Радужные водопады Триангла славятся на всю Галактику. Не говоря уж о горе Мизерикорд. Потом отправимся куда-нибудь ещё. Почему бы и нет? Всех денег не заработаешь, знаете ли.

– Я согласен с вами, доктор, – в голосе адвоката сквозила еле заметная ирония.

Не очень-то он поверил Агате, понял вдруг Платина. Но предпочитает делать вид, что принимает всё за чистую монету. Должно быть, решил, что так интереснее.

– Позвольте быть вашим чичероне?

– А что такое чичероне? – поинтересовался Варфоломей.

Простодушный вопрос пилота подействовал на Трейси как ведро ледяной воды, вылитой на голову. Адвокат внезапно осознал, что всё это время разговаривал только с мисс Ставриной, и даже не замечал этого. Зато легкое недовольство, промелькнувшее и тут же погасшее в её глазах, он разглядеть успел. Пилот явно испортил женщине игру. Игру ли?

– Вы всегда доверяете доктору Ставриной ведение переговоров, мистер Десница? – повернулся он к до сих пор молчавшему военному.

Тот неопределённо пожал плечами.

– У вас хорошие лингвистические способности, мистер Трейси. Мало кто из представителей вашей языковой группы способен с первого раза правильно произнести мою фамилию.

Уяснив, что ответа на заданный вопрос можно и не дожидаться, Анатолий решил дать пояснения пилоту:

– Чичероне, мистер Кондовый, это что-то вроде гида. Вы в Рейвен-Сити новички, и я могу рассказать вам о разных мелочах, которые сделают пребывание здесь приятным. К примеру, в этой кафетерии подают лучший в городе горячий шоколад, о чём знают даже не все аборигены.

– А что, – иронически улыбаясь, вновь вступила в разговор женщина, – у адвокатов здесь так мало работы, что приходится подрабатывать сопровождением приезжих?

– Зависит от адвоката, доктор, – Трейси почувствовал, что снова попадает под власть исходящего от Агаты обаяния. А ведь, в сущности, сейчас она не сказала ему ничего приятного, более того, смеялась над ним. Но... – Что касается меня, то я достаточно состоятелен, чтобы брать только интересные дела и защищать только тех, кого обвиняют несправедливо. Я везунчик: мне не приходится ради куска хлеба отмазывать от справедливой кары разнообразных подонков. Если в ходе подготовки к процессу я понимаю, что клиент меня обманул и на самом деле обвинение имеет под собой твёрдую почву, я передаю дело кому-нибудь из своих коллег. Поверьте: зачастую убедить суд оправдать человека, который просто оказался не в том месте не в то время, куда сложнее, чем выудить у присяжных нужный приговор для мерзавца, действительно совершившего

преступление. Порядочные люди не умеют защищаться. Чем и пользуются непорядочные. В общем, сегодня я не занят, и вполне могу позволить себе потратить время на общение с интересными людьми.

– В таком случае, скажите, что вы думаете об отеле «Джордж Инн»? Мы заказали номера ещё с орбиты, но – знаете, как это бывает? – просто ткнули пальцем в список.

Анатолий слегка пожал плечами:

– «Джордж Инн» знал и лучшие времена, но в целом – вполне приличное заведение. Довольно тихо, удачное расположение, обслуживание на уровне. Если вы уже закончили завтрак, я вас отвезу.

В глазах девушки Трейси уловил проблеск веселья. Она кивнула, отодвинула тарелку и встала из-за стола. Вслед за ней поднялись мужчины.

Анатолий, испросив взглядом разрешения, поднял с пола сумку Агаты. Ранец наверняка был более тяжёлым, но свой профессиональный багаж врач носит сам – таково правило – и соображения галантности на него не распространяются.

Десница, отговорившись делами, велел своим спутникам отправляться в отель без него. Анатолия это нисколько не удивило – офицер произвёл на него впечатление человека, занятого продвижением к цели. И этой целью уж точно была не развлекательная поездка к водопадам. Впрочем, адвоката вся эта история никоим образом не касалась – пока.

На полупустой в утренние часы стоянке Трейси подошел к роскошному низкому автомобилю. Темно-синие борта благородно поблескивали в солнечных лучах, черная, прозрачная изнутри крыша мягко скруглялась к багажному отсеку. Несмотря на приземистость и подчеркнутую вальяжность, автомобиль производил впечатление сильного, опасного зверя. Платине он понравился с первого взгляда. Заметивший это Трейси с тщательно скрываемой гордостью выдал несколько технических характеристик «Кондор-Президента», полюбовался произведённым эффектом и приосанился.

Попутно выяснилось, что, несмотря на благоприятный отзыв Десницы, имя «Варфоломей» представляет для адвоката определённые трудности. Предложенное девушкой «Бартоломью» или «Барт» устроило обе высокие договаривающиеся стороны, и Анатолий предложил садиться.

Агата расположилась на переднем сиденье, Варфоломей сел сзади, и мобиль, постепенно набирая скорость, двинулся в сторону города по широкой, обрамленной высоченными деревьями, авеню. Трейси, как заправский экскурсовод, комментировал пейзаж за окном, время от времени прерываясь на пояснения по поводу местных реалий.

– Полуостров, на котором расположен город, имеет форму вороньего клюва, отсюда и название[3 - Raven – ворон (англ.)]. Сейчас мы проезжаем промышленную зону, неразумно было бы приближать жилые кварталы к космопорту.... Трущобы – неизменный спутник порта, соваться в них без оружия не рекомендуется и белым днем, а ночью сюда не загонишь даже полицейских... Частный транспорт – почти весь наземный, лицензия на атмосферники стоит таких денег и её получение сопряжено с такими трудностями, что это могут себе позволить только очень, очень богатые люди. Да и смысл? Всё равно приоритет в воздухе имеют машины государственных и муниципальных служб. Есть, конечно, гравибайки, но на них закрывают глаза – невыгодно держать аппарат по лицензированию. А, кроме того, в коридоры, предназначенные для «скорых», пожарных и патрульных каров полиции их владельцы не суются. Тут ведь как? Носишься на гравибайке – носись. Собыют – сам виноват. Выживешь при столкновении – штрафов на всю жизнь хватит. Конечно, студентов и уличных отмороzków это не останавливает, но общий принцип таков: презумпция абсолютной виновности по отношению к владельцу гравибайка... Въезжаем на Мэйн-сквер, обратите внимание на мемориал. Колонизация Триангла, надо это честно признать, особых проблем не составила, но населению нужны герои, даже если они высосаны из пальца. Поскольку колонизация осуществлялась выходцами из Северной Америки, это не могло не сказаться на склонности создавать историю на пустом месте. И на планировке города, конечно... Что? Какой-какой метод? Квадратно-гнездовой? Язык у вас, доктор, что бритва!.. Нет уж, пожалуйста, мэтром меня называть не надо, мне этого хватает в суде. Договорились, Агата, но и вы тогда зовите меня Анатолий... Слева – Сити-холл, здание спроектировано Джоном Фурье, и до сих пор не утихают споры, был ли он за всё время работы трезв хоть одну минуту... А почему вы решили, что я хочу о чём-то спросить? Вы правы, хочу. Но я полагал, что лучше владею лицом. Эмпат? Всё, тогда вопрос снимается... Армстронг-драйв – одна из основных городских магистралей, названа в честь Нейла Армстронга, который, как

принято считать, первым высадился на Луне... А вот и ваш отель. Вы всё-таки не выбрасывайте карточку, Агата. Даже туристу могут понадобиться услуги адвоката, да и потом – вдруг вы решите, что без гида не обойтись? Было приятно познакомиться. Желаю вам хорошо отдохнуть.

И Трейси уехал, оставив врача и пилота в окружении почуявших жирные чаевые служащих отеля.

Заселённые человечеством планеты отличаются порой друг от друга так, что трудно поверить в то, что на них живут одни и те же, в общем-то, люди. Но есть одна примета, остающаяся неизменной вне зависимости от того, занесло путешественника в имперскую колонию, к американцам или на один из Вольных Миров Окраины. И примета эта – бардак и свалка, царящие в складской зоне космопорта.

Триангл, вполне ожидаемо, не был исключением из правила. Уже через полчаса блужданий в кажущемся организованным хаосе Десница взмок и проклял всё на свете. Отыскать нужный сектор никак не удавалось, стрелка на забитой в память браслета карте то заводила в тупик, то самым нахальным образом возвращала на то место, с которого майор только что ушел. Попытки выяснить что-либо у аборигенов – спешащих и неторопливых, бранящихся и гогочущих, абсолютно трезвых и пьяных в хлам – проваливались одна за другой.

Не спасали ни хорошая физическая подготовка, ни скорость реакции. Пару раз Дима чуть не попал под погрузчик. Ему чувствительно сунули в бок каким-то громоздким предметом – предмет волок на плече хлипкий мальчишка лет четырнадцати. Ему отдавили ногу. Его обматерили – он так и не понял, за что.

Дмитрию было жарко, плотная куртка давно перекочевала на левое плечо. Очень хотелось пить, но здесь не было ни одного самого захудалого киоска или лотка с напитками и закуской. Единственный встреченный торговый автомат отказался принимать имперские рубли. А карточку нагло выплюнул, заявив, что связи с сервером нет и не предвидится. Ещё и извинился, паскуда.

А, кроме того, время стремительно утекало. До встречи, назначенной ещё на подлете к планете, оставалось всего ничего, а ждать, подозревал Десница, его никто не будет.

Контакт он получил ещё на Закате. Дергачёв расстарался, Алексей Алексеевич. Правда, честно предупредил, что за безопасность ручаться не может: агентурная сеть на Триангле была слабой и ненадёжной. Ладно, разберемся, только бы добраться в срок.

Он опять чуть было не пропустил нужный поворот, мимо которого проходил уже пятый примерно раз. Но что-то вдруг похолодело в районе солнечного сплетения, однако немедленно отпустило, стоило Диме свернуть налево. Отпустило – и тут же сжалось с утроенной силой. Потому что в закутке, обозначенном на карте таким долгожданным крестиком, привольно разлегся на солнышке труп. И принадлежал труп тому самому «контакту», на встречу с которым торопился и всё-таки опоздал майор Дмитрий Валерьевич Десница.

Дима осторожно прикоснулся костяшками пальцев к щеке покойника и негодующе скривился: даже если сделать поправку на жару, мужик стал трупом буквально несколько минут назад. Вот чёрт!..

Первейшее правило любого оперативника, работающего под прикрытием – если покойничка соорудил ты, вали! Если не ты – вали вдвое быстрее. Вали, и дай бог ноги, потому что подстава не только возможна, но и более чем вероятна.

Свалить Десница не успел.

У любой медали есть две стороны. И положительная в данном случае состояла в том, что, выскочив непонятно откуда, накинулись на него с трёх направлений отнюдь не копы. Если рассудить трезво и не торопясь, сторон медали было тоже три. Суть второй (условно-положительной) заключалась в расположении места действия: лёгкие металлические стены вокруг принадлежали складам горючего, а стало быть, огнестрела можно было не слишком опасаться. И прибегать к нему, увы, тоже не следовало. Третья же сторона (вот он, Триангл![4 - Triangle – треугольник (англ.).]) не радовала совсем – почти год практически только кабинетной работы не мог не сказаться на умении Димы драться, а три противника – это три противника. Хреновая арифметика. И вот тут-то майор Дмитрий Десница разозлился всерьёз.

Когда на него набросились сзади с двух сторон, заламывая руки, он повис в захвате и обеими ногами ударил под челюсть того, кто набегал спереди. Хруста Дима не услышал, но необходимости в звуковом сопровождении и не было: судя по запрокинувшейся голове, одним жмуром на свете стало больше. Удержать его на весу у нападавших не получилось, и они начали заваливаться вперед вместе с майором.

Поскольку Десница этого не только ожидал, но и рассчитывал на такой поворот событий, сам он не упал. Поджатые после удара ноги приняли на себя вес сгруппировавшегося организма. И как только пятки коснулись земли, Дмитрий стремительно распрямился.

Не ожидавшие такого «здрасьте» обормоты потеряли хватку. Один из них, тот, что послабее, не удержавшись, просто отлетел в сторону, попутно чувствительно зацепив скулу майора. Второй всё ещё цеплялся за руку Десницы, но уже не столь уверенно. Дима притянул его к себе и свободной рукой обхватил за шею, чем освободил прежде удерживаемую конечность: в тщетной надежде ослабить давление на горло, парень вцепился в предплечье майора всеми десятью пальцами.

Повернувшись вместе с захваченным противником, Дмитрий встретил его корпусом удар ножа со стороны отлетевшего, который уже оклемался и снова ринулся в бой. Хватка на предплечье и шея удерживаемого заметно ослабли, что позволило эту шею тут же свернуть до, как пишут в технических инструкциях, «характерного щелчка». Отшвыривая уже не представляющее опасности тело, Десница почувствовал острую боль в правом бицепсе и понял, что всё-таки пропустил удар.

Выровнявшись, он посмотрел на противника и демонстративно повесил правую руку, сделав вид, что удар полностью достиг своей цели. Как только купившийся на столь нехитрую уловку головорез рванулся вперёд, пытаясь нанести колющий удар ножом в область сердца, Дима левой рукой поймал его за запястье. Потом довернулся корпусом вполоборота влево, проводя замах мимо себя, и едва туловище нападавшего оказалось на уровне его собственного, всем весом нанес удар, роняя мужика на землю и припечатывая сверху своим телом.

Незадачливый убийца потерял дыхание, а вместе с ним и инициативу, чем не преминул воспользоваться Десница, вырвав из ослабевшей руки нож и воткнув его вертикально между рёбрами.

– Всё? – хрипло поинтересовался он. – Лежим? Понаберут мудаков по объявлению... два дебила – это сила, три дебила – это взвод. Теперь бы ещё с вашим взводным пообщаться.

Дмитрий начал вставать, но его подвела натекшая кровь, и мгновение спустя поскользнувшийся майор пребольно впечатался затылком в стену ангара.

Поднявшись на ноги, он неодобрительно покачал головой, злясь на собственную нерасторопность. Актив – две сломанных шеи (пардон, одна – свернутая), одна сломанная рука и одно ножевое в сердце. Как это Агата говорит? «Кратчайший путь к сердцу мужчины – пятнадцать сантиметров стали между рёбер; собственно, хватит и десяти, но запас карман не тянет!» Шутница...

Пассив – несколько незначительных ушибов, разбитая морда, гудящая голова и не особо глубокий, но длинный и болезненный порез на правом бицепсе. Кровит, однако... ладно, надо добраться до гостиницы. Там и врач свой собственный имеется, и обмозговать проблему можно будет в тишине и спокойствии. Хотя что тут обмозговывать? Слепому видно – по адресу прибыли, по адресу. Ещё бы определиться с этим самым адресом поконкретнее... ну, что тут у нас?

Документов никаких, что было вполне предсказуемо. Из оружия – только ножи, причем весьма дорогие. Такие хрен купишь, сделаны на заказ. «Сломанная шея» таскал при себе шприц-тюбик с мощным транквилизатором. Вот тут тебе, майор, повезло по-крупному: не выруби ты его самым первым, неизвестно, как обернулось дело.

У черноволосого коротышки обнаружился баллончик с универсальным бионейтрализатором. Вот и хорошо, вот и славно. Залить собственную кровь хватит, а этих пусть местные держиморды определяют. Им за это деньги платят, в отличие от майора Десницы. Хотя проблем у полисов возникнуть не должно. Уж очень характерные клейма имеются под левой ключицей каждого из нападавших. Синтеты, мать их так. Ну что ж, тем лучше. Греха на душу меньше. Это ж не люди даже, так, фикция...

В карманах Десницы хватало всякого и разного. Нашелся там и перевязочный пакет закатского производства. Обрабатывать правую руку было неудобно, время поджимало, но в конце концов, кое-как приладив повязку и надев осточертевшую куртку (лучше потеть, чем нервировать копов), Дима двинулся в

обратный путь. На ходу ему обычно хорошо думалось, но сейчас голова была занята прокручиванием только что разрешившейся ситуации, и свернуть на глобальные проблемы не удавалось.

Ножи дорогие, а вот обращались с ними прохвосты не очень. Или хотели взять живым? Но тогда почему транк был в шприце, а не в пистолете? Подстрелить Диму – да хоть бы и с крыши ангара! – труда не составляло. Однако полезли вручную. Зачем? Удаль доказать молодецкую? А кому?

В закутке было пусто и тихо. Вокруг – тоже, прилегающий угол складской зоны словно вымер. Вопросов масса, а вот тех, кому можно было бы их задать – ноль целых хрен десятых.

Эх, угораздило же его опоздать! Ну да ладно, что уж теперь. Нескладухи на то и существуют, чтобы складывать их должным порядком, а здоровой злости – лучшего инструмента в такой ситуации – у майора было хоть залейся.

Почему-то вспомнился старинный, плоский ещё фильм. Там отставного бойца спецподразделения пытались заставить совершить политическое убийство, удерживая в заложницах его дочь. И бывший командир этого дядьки на вопрос, чего он опасается при условии, что подчиненный в деле, на полном серьёзе заявил: «Третьей мировой войны»[5 - «Коммандо» с Арнольдом Шварценеггером.]. Тогда это показалось Дмитрию забавным. Теперь же...

Мировую – не мировую... но Третью Колониальную Десница вполне готов был развязать.

Портье в «Джордж Инн» был отчаянно корректен. Его демонстративно не удивил явившийся без какого-либо намека на багаж мужик со стесанной скулой, облачённый в тёплую не по погоде куртку.

– Мистер Десница? Ваш номер – 307. Прикажете ланч? Консультанта из магазина одежды? Врача?

Отмахнувшись от приставучего служащего, Десница, ещё по дороге связавшийся с суперкарго, поднялся на третий этаж и, постучавшись, отворил

дверь триста пятого номера.

Что ему, помимо всего прочего, нравилось в Агате, так это умение быстро и легко обживаться на новом месте. Прошло всего пару часов с тех пор, как она заняла эту комнату, а вот поди ж ты: полное ощущение, что доктор Ставрина живёт здесь с незапамятных времен. Казённый уют номера отеля уступил место вполне домашней обстановке, хотя определить сразу, что именно изменилось, Дима не мог.

Зато внимательный, видящий собеседника насквозь взгляд хозяйки в меру скромных апартаментов остался прежним и от окружающего пространства не зависел.

– Что с рукой? – с ходу осведомилась девушка ровным, благожелательным тоном.

– А голова тебя не интересует? – проворчал несколько не удивлённый Десница.

– А что – голова? – хладнокровно парировала она. – Головой ты приложился, конечно... или тебя приложили. Но ничего критичного я пока не вижу. Следи за пальцем... ерунда. Зрачки не прыгают, головокружения нет... ведь нету? И я о том же. Кое-чем я это дело, понятно, отрихтую, но так, по мелочам. А вот рука мне не нравится. Пойдём-ка к тебе, я на месте погляжу, что да как.

Со знакомой непреклонной улыбкой Агата вынула из шкафа «саквояж» и почти вытолкала Дмитрия за дверь.

В его номере, расположенном дальше по коридору («Платина массу давит, сказал – попробует впрок отоспаться», – кивнула девушка на номер 303), она зажгла весь свет, собственноручно стащила с Димы куртку, удалила, разрезав, повязку и длинно, осуждающе присвистнула.

– Так, постой немного спокойно. Угу... угу... ясно. Погоди чуток.

Из ранца был извлечен небольшой прибор, в котором Десница мгновенно узнал портативный детектор закатского образца. Несколько секунд – и Агата уже внимательно рассматривала появившиеся на дисплее символы.

– Знаешь, командир, тебе повезло. На лезвии ничего лишнего не было, а, между прочим – частенько бывает. Какая интересная планета... не скажу, что мне нравится, но занятно, да. Сейчас я промою это дело, шить не буду – незачем, гелем залью. Скула сама заживёт, надо только антисептиком пройтись. Потом пара-тройка уколов...

– А это обязательно? В смысле колоть? – слегка попятился Дима. Как почти все сильные здоровые мужчины, уколов он не любил и малость побаивался.

– Ну что ты как маленький! – раздражённо всплеснула доктор Ставрина руками, в одной из которых уже была зажата пачка обеззараживающих салфеток. – Общий анестетик надо? Надо. Сосудистое для башки твоей твердокаменной надо? Надо. И без легкого релаксанта не обойтись. Ещё скажи спасибо, что я регенерационный комплекс не ставлю, это возни на час, не меньше, а тебе лучше сейчас просто поспать. Да и мне тоже.

Сразу лечь не получилось, Агата настояла на том, что командиру следует перекусить. А также рассказать, хотя бы вкратце, что, собственно, произошло. Но Десница решил быть предельно немногословным. Девушка, кстати, не настаивала на подробностях. Эмпатия – благо далеко не всегда, но в данном конкретном случае оказалась совершенно незаменимой. Начни боевая подруга допрос с пристрастием... но она не начала. Решила, должно быть, что детали стоит уточнять, когда у детализирующего голова и нервы будут хотя бы относительно в порядке.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Просторечное название экзоскелета. – Здесь и далее примечания автора.

2

Шлюхи (исп.).

3

Raven – ворон (англ.).

4

Triangle – треугольник (англ.).

5

«Коммандо» с Арнольдом Шварценеггером.

Купить: https://telnovel.com/dakar_daniel/tri-grani-mizerikorda

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)